

ГЕОПОЛИТИКА GEOPOLITICS GEOPOLITIK

Генри КИССИНДЖЕР

О Китае

Геополитика (АСТ)

Генри Киссинджер
О Китае

«Издательство АСТ»

2011

УДК 94(510)-327(510)
ББК 63.3(5Кит)

Киссинджер Г.

О Китае / Г. Киссинджер — «Издательство АСТ»,
2011 — (Геополитика (АСТ))

ISBN 978-5-17-102549-6

Генри Киссинджер написал книгу о стране, которую хорошо знает и которой помог сформировать отношения с Западом. Автор изучает ключевые моменты китайской внешней политики – с древнейших времен и до наших дней, и рассказывает о «внутренней кухне» китайской дипломатии. Опираясь на свой богатый опыт общения с китайскими лидерами – Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем и Дэн Сяопином, Киссинджер размышляет о том, какое влияние каждый из них оказал на судьбу современного Китая, а также делает собственные прогнозы о глобальном соотношении политических сил в XXI веке.

УДК 94(510)-327(510)
ББК 63.3(5Кит)

ISBN 978-5-17-102549-6

© Киссинджер Г., 2011
© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Предисловие	6
Правила транскрибирования китайских иероглифов	9
Вступление	10
Глава 1	12
Эра китайского превосходства	14
Конфуцианство	18
Концепции международных отношений: беспристрастность или равенство	20
Китайская «реальная политика» и «Искусство войны» Сунь-цзы	24
Глава 2	31
Миссия Маккартни	33
Столкновение двух миропорядков:	39
Дипломатия Ци Ина:	43
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Генри Киссинджер О Китае

Henry Kissinger
ON CHINA

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Wylie Agency (UK) Ltd.

Научный редактор д. полит. н., PhD профессор А. Д. Воскресенский

Серия «Геополитика»

© Henry A. Kissinger, 2011

© Перевод. В. Н. Верченко, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Посвящается Аннет и Оскару де ла Рента

Предисловие

Почти ровно 40 лет назад президент Ричард Никсон оказал мне честь, послав в Пекин для восстановления отношений со страной, расположенной в самом сердце азиатской истории. У Америки же на то время контакты с Китаем на высоком уровне отсутствовали в течение более чем 20 лет. Такое положение дел следовало изменить, ведь наши граждане заслужили передышку после кошмаров вьетнамской войны и вереницы зловещих событий времен «холодной войны». Китай, формально являясь союзником Советского Союза, находился в поисках пространства для маневра, стремясь противостоять угрозе нападения со стороны Москвы.

За эти годы мне приходилось бывать в Китае более 50 раз. Как и многие приезжавшие за все века в Китай люди, я полюбил китайский народ за его стойкость, утонченность, его чувство семьи и за ту культуру, которую они представляют. В то же самое время всю свою жизнь я работал на благо мира, разумеется, в основном с американских позиций. Мне как одному из высших официальных лиц, как посланцу своего руководства и просто как обычному гражданину крупно повезло в возможности сочетать и любовь к Китаю, и свою официальную работу.

Тогда я неоднократно беседовал с китайскими руководителями. В своей книге я сделал попытку объяснить, как и что китайцы думают о проблемах мира и войны, международного порядка. Естественно, я при этом исходил из отличающегося большим прагматизмом американского подхода к проблемам и принципам поэтапности их решения.

Различные истории и мировые культуры подчас приводят к различным выводам. Я не всегда соглашаюсь с китайскими оценками перспектив развития, думаю, и не каждый читатель с ними согласится. Важно, однако, понимать их, поскольку Китай будет играть весьма заметную роль в мире, формирующемся в XXI веке.

Со времени моего первого визита в Китай эта страна стала экономической сверхдержавой и крупнейшим фактором формирования глобального политического порядка. Соединенные Штаты вышли победителем из «холодной войны». Отношения между Китаем и Соединенными Штатами стали центральным элементом в деле поддержания мира во всем мире и всеобщего процветания.

Восемь американских президентов и четыре поколения китайских руководителей занимались этими тонкими отношениями в удивительно последовательном порядке, учитывая различия в отправных точках. Обе стороны отказались от того, чтобы историческое наследие прошлого и различные взгляды на внутреннее развитие оказывали воздействие на их практические отношения сотрудничества.

История их отношений складывалась непросто, поскольку оба наши общества верят, и всегда верили, в то, что они представляют уникальные ценности. Американская исключительность носит миссионерский характер. Считается, что Соединенные Штаты руководствуются долгом распространения своих ценностей во все части планеты. Исключительность Китая – в его культуре. Китай не занимается обращением других в свою веру, он не считает, что его современные установки могут иметь силу за пределами Китая. Но он является преемником традиций Среднего государства, составлявшего свои собственные представления о других странах как находящихся на различных уровнях вассальной зависимости от него. А эта самая зависимость, в свою очередь, определялась различным уровнем их близости к китайским культурным и политическим нормам, другими словами, общностью культурных ценностей.

Главная задача моей книги – рассказать о взаимодействии между китайскими и американскими руководителями за период со времени образования Китайской Народной Республики в 1949 году. Будучи на правительственной службе и вне ее, я всегда делал записи моих бесед с представителями четырех поколений китайских руководителей. Они давали свои

оценки событий в мире, китайской внешней политики, американо-китайских отношений и хода экономических реформ в Китае. При написании книги я обращался к этим своим записям и постоянно использовал их как свой основной источник.

Эта книга не вышла бы без преданной и умелой помощи моих соратников и друзей, любезно позволивших мне эксплуатировать их.

Незаменимую поддержку оказал мне Шуйлер Шутен. Я обратил на него свое внимание 8 лет назад, когда профессор Джон Гэддис из Йельского университета рекомендовал его как одного из способнейших студентов. Когда я начал работать над этим проектом, я попросил его взять отпуск на 2 месяца в юридической фирме, где он тогда работал. Он согласился и вскоре так втянулся в работу, что решил проработать целый год до ее завершения. Шуйлер проделал большую часть основных исследований. Он помог с переводом китайских текстов и, более того, вникал в смысл и подтекст наиболее замысловатых. Он демонстрировал чудеса неустойчивости в период редакторской и корректорской работы. Впервые в жизни мне довелось работать с таким на редкость хорошим научным ассистентом.

Мне очень повезло привлечь к работе Стефани Джангер-Моут, сопровождавшую меня на протяжении 10 лет во всех ипостасях и при всех перипетиях моей деятельности. В бейсболе ее называли бы мастером на все руки. Она занималась и исследованиями, и редактурой, а также была главной на связи с издателем. Она выверила все сноски. Она помогла координировать печатание и всегда смело бралась за дело в ситуации цейтнота. Большой вклад Стефани подкреплялся ее очарованием и дипломатическим опытом.

Гарри Эванс издал 30 лет назад мои «Годы в Белом доме». Он позволил мне использовать дружеские с ним отношения в работе над рукописью и дал множество весьма важных советов по вопросам редакционного характера и по структуре книги.

Тереза Аманти и Джоди Уильямс много раз перепечатывали работу, и, когда время поджимало, они печатали и вечерами, и по выходным. Их хороший настрой, опытность, острый глаз в отношении малейших деталей оказались поистине бесценными.

Стэплтон Рой, бывший посол в Китае и выдающийся китаист; Уинстон Лорд, мой помощник в период открытия Китая и позднее тоже посол в Китае; Дик Вьетс, мой литературный агент, – все они читали отдельные главы и делали точные замечания. Джон Ванден Хювел обеспечил меня нужными материалами по нескольким главам.

С удовольствием вспоминаю работу с издательством «Пинг вин пресс». Всегда безотказная Энн Годофф высказывала четкие комментарии, никогда не создавала проблем, и я всегда с огромным удовольствием с ней общался. Брюс Гиффордс, Нойрин Лукас и Тори Клоуз опытной рукой направляли процесс подготовки выхода книги. Фред Чейз заботливо и умело копировал работу после каждой редакции. Лора Стикни, главный редактор книги, будучи довольно молодой, годясь мне почти во внучки, отнюдь не трепетала перед автором. Она не испытывала благоговения перед моими политическими взглядами, так что я постоянно искал ее подчас едкие, но всегда уместные замечания на полях рукописи. Неустойчивая и восприимчивая, она оказала большую помощь в работе.

Всем этим людям я премного благодарен.

Правительственные документы, на которые я ссылаюсь в работе, уже в течение какого-то времени не являются секретными. Хочу, в частности, поблагодарить Международный научный центр имени Вудро Вильсона и его международный проект по изучению истории периода «холодной войны» за разрешение использовать большие отрывки из их архивов рассекреченных документов по России и Китаю. Библиотека имени Картера помогла тем, что предоставила расшифровки записей бесед с китайскими руководителями во время президентства Картера, а Библиотека имени Рейгана предоставила ряд полезных документов из своих архивов.

И конечно же, все недостатки этой книги на моей совести.

Вот уже более полувека рядом со мной моя супруга Нэнси. Не знаю, как бы я обошелся без ее твердой моральной и интеллектуальной поддержки, какие достаются немногим авторам (во всяком случае, мне повезло) при написании книги. Она перечитала почти все главы и внесла множество важных предложений.

Я посвятил свою книгу «О Китае» Аннет и Оскару де ла Рента. Я начал писать ее в их доме в Пунта-Кана и закончил ее там же. Их гостеприимство явилось лишь одной гранью дружбы, которая привнесла радость и глубокие чувства в мою жизнь.

Генри Киссинджер Нью-Йорк, январь 2011 года

Правила транскрибирования китайских иероглифов

В моей книге будут часто упоминаться различные китайские имена и термины. Китайским словам соответствует фонетическое письмо, которое транскрибируется латинским алфавитом двумя способами: по системе Уэйда – Джайлса, использовавшейся преимущественно до 1980-х годов, и по официально принятой в Китайской Народной Республике в 1979 году системе транскрипции «пиньинь», все чаще используемой в публикациях на Западе и в других азиатских странах.

В большинстве случаев в книге применяется транскрипция «пиньинь». Например, чаще используется написание имени «Дэн Сяопин» в транскрипции «пиньинь», чем «Тэн Сяо-пин» в транскрипции Уэйда – Джайлса.

Однако в ряде случаев для удобства читателя сохраняются известные ему транскрипции некоторых имен и названий, которые отличаются по написанию от транскрипции «пиньинь». К примеру, в книге на английском языке для написания имени древнего военного теоретика используется старая транскрипция «Сунь Тзу», а не «Сунь-цзы» в соответствии с азбукой «пиньинь»¹. В некоторых случаях, чтобы сохранить единообразие текста по всей книге, цитируемые имена, в написании которых в оригинале использовалась азбука Уэйда – Джайлса, пишутся в транскрипции «пиньинь». Эти изменения отмечены в сносках в конце книги. В каждом случае суть транскрибируемого китайского слова остается неизменной; отличие только в написании слова в латинском алфавите.

¹ В переводе на русский язык будет использоваться привычное для русскоязычного читателя имя Сунь-цзы. – *Примеч. пер.*

Вступление

В октябре 1962 года революционный лидер Китая Мао Цзэдун собрал высших военных и политических руководителей на встречу в Пекине. В 2 тысячах миль к западу, в малодоступной и слабонаселенной местности в Гималаях китайские и индийские войска оказались на грани столкновения из-за участка границы, на который претендовали оба государства. Спор возник по поводу разных трактовок истории: Индия настаивала на границе, демаркированной во время британского владычества, Китай хотел получить границы в пределах рубежей императорского Китая. Индия разместила свои заставы на самых дальних подступах границы, считая ее своей, китайские войска окружили индийские позиции. Попытки урегулировать территориальный спор окончились провалом.

Мао решил найти выход из тупиковой ситуации. Он обратился к старой китайской классической традиции, с которой он вообще-то собирался покончить. Мао Цзэдун поведал на совещании своим соратникам, что за всю историю отношений Китай и Индия провели в общей сложности «полторы» войны. Каждая из них преподнесла свои уроки. Первая война произошла более 1300 лет назад во время правления династии Тан (618–907 годы), когда Китай направил войска, чтобы поддержать одно из индийских княжеств против незаконного и агрессивного врага. После вмешательства Китая обе страны к обоюдному удовлетворению несколько веков поддерживали процветающие отношения религиозного и экономического сотрудничества. Урок древнего похода, как описал его Мао, явно свидетельствовал: у Китая и Индии нет причин для вечной вражды. Наоборот, между ними вновь может воцариться долгий и крепкий мир, Китаю следует лишь применить силу и «подтолкнуть» Индию снова сесть за стол переговоров. «Полвойны», по мнению Мао, произошло 700 лет назад, когда монгольский правитель Тамерлан разграбил Дели. (Мао Цзэдун пояснил, что, поскольку Монголия и Китай в то время были частью одной политической общности, это была «половинка» китайско-индийской войны.) Тамерлан добился выдающейся победы, но, находясь в Индии, его армия уничтожила более 100 тысяч пленников. На сей раз Мао Цзэдун потребовал от китайских войск проявить «сдержанность и принципиальность»².

Никто из окружения Мао Цзэдуна, по-видимому, не ставил под сомнение связь прецедентов прошлого с текущими стратегическими задачами Китая, хотя руководство коммунистической партии революционного «нового Китая» заявляло о своем намерении изменить мировой порядок и отказаться от феодального прошлого своей страны. Нападение планировалось с применением сформулированных Мао Цзэдуном принципов. Наступление произошло неделями позднее точно так, как он описывал: Китай нанес внезапный сокрушительный удар по индийским позициям, а затем отступил на прежнюю линию контроля, пойдя при этом даже на то, чтобы вернуть захваченное индийское тяжелое вооружение.

Ни в одной другой стране никогда современный лидер не предпринял бы какое-то крупное действие в масштабах страны, опираясь на стратегические принципы и события тысячелетней давности, и ведь он вряд ли мог рассчитывать на понимание со стороны своих коллег смысла проделанных им аналогий. Но Китай – уникальная страна. Ни одна страна не может похвастать такой долгой историей цивилизации или такой тесной связью с древней историей и классическими принципами стратегии и искусства управления государством.

² John W. Garver. China's Decision for War with India in 1962 in Alastair Iain Johnston and Robert S. Ross, eds., *New Directions in the Study of China's Foreign Policy* (Stanford: Stanford University Press, 2006), 116, цитируется Sun Shao and Chen Zibin, *Ximalaya shan dexue: Zhong Yin zhanzheng shilu* [Snows of the Himalaya Mountains: The True Record of the China-India War] (Taiyuan: Bei Yue Wenyi Chubanshe, 1991), 95; Wang Hongwei, *Ximalaya shan qingjie: Zhong Yinguanyanjiu* [The Himalayas Sentiment: A Study of China-India Relations] (Beijing: Zhongguo Zangxue Chubanshe, 1998), 228–230.

В других обществах, включая Соединенные Штаты, утверждают о всеобщей применимости их ценностей и институтов. Тем не менее никто не может сравниться с Китаем в убеждении и понуждении своих соседей к уступкам. При этом Китай на протяжении длительного периода времени придерживался концепции собственного превосходства в мире, несмотря на множество различных исторических пертурбаций, которые ему пришлось пережить. С появления Китая как единого государства в III веке до нашей эры вплоть до падения Цинской династии в 1912 году³ Китай, как это ни удивительно, в течение длительного времени оставался в центре международной системы Восточной Азии. Китайского императора представляли (а многие соседние государства признавали) как вершину всемирной политической иерархии, при этом правители других государств теоретически являлись его вассалами. Китайский язык, культура и политические учреждения служили критерием цивилизации, так что даже региональные противники и иностранные завоеватели принимали их в той или иной степени как знак их собственной легитимности (зачастую в качестве первого шага к ассимиляции внутри Китая).

Традиционная космология выдержала испытание временем, несмотря на различные катаклизмы и длившиеся столетиями периоды политического упадка. Но даже когда Китай являлся слабым или расколотым, краеугольным камнем оставался и не подвергался сомнению принцип его центрального положения в регионе. Претенденты, как китайские, так и иностранные, соперничали в стремлении объединить или завоевать его, но в итоге правили из китайской столицы, не ставя под сомнение главный тезис о том, что Китай является центром Вселенной. В то время как другие страны называли себя по имени этнических групп или в соответствии с географическими понятиями, Китай назвал себя «Чжунго» – «Срединное царство», или «Срединное государство»⁴. Любая попытка понять дипломатию Китая в XX веке или его роль в XXI веке должна базироваться, даже если это покажется слишком примитивным, на понимании и в контексте традиций этой страны.

³ Официальная историческая наука считает годом падения Цинской династии 1911 год, называвшийся по старому китайскому календарю годом «синьхай», отсюда происходит термин Синьхайская революция, а с 10 октября 1911 года начинается отсчет истории Китайской Республики. Акт об отречении последнего императора Цинской династии Пу И был официально подписан 12 февраля 1912 года. – *Примеч. пер.*

⁴ «Хуася» и «Чжунхуа» – другие названия в китайском языке, обозначающие Китай.

Глава 1

Уникальность Китая

Общества и нации склонны рассматривать себя как существующие вечно. Они также с повышенным пиететом относятся к легендам о своем происхождении. Специфической чертой китайской цивилизации является тот факт, что она, как представляется, не имеет своего начала. Она появляется в истории совсем не как традиционная нация-государство, а как постоянно существующий естественный феномен. В легенде о Желтом императоре, о котором многие китайцы говорят как о легендарном первом правителе, Китай как будто бы уже существует. Когда Желтый император появляется в мифе, китайская цивилизация находилась в состоянии хаоса. Соперничающие князья враждовали друг с другом и третировали народ, а слабый правитель не мог поддерживать порядок. Новый же герой, собрав армию, приносит мир в свое царство, тем самым заслужив право именоваться императором⁵.

Желтый император вошел в историю как герой-основатель нации, тем не менее в мифе об основании нации он восстанавливает, а не создает империю. Китай существовал и до него, в историческое сознание он проник как уже существующее государство, нуждавшееся только в восстановлении, а не в изначальном создании. Этот парадокс в китайской истории ассоциируется с мудрецом Конфуцием: о нем также говорят как об «основателе» культуры, хотя сам он подчеркивал, что не придумал ничего нового, а только пытался придать новую силу принципам гармонии, существовавшим когда-то в «золотом веке», но утерянным в эпоху политического хаоса, в которую, собственно, и жил сам Конфуций.

Размышляя о своеобразном происхождении Китая, миссионер и путешественник XIX века аббат Регис-Эварист Гюк отмечал:

«Китайская цивилизация имеет такое древнее происхождение, что мы тщетно пытаемся обнаружить ее начало. Не найдено никаких следов начальной стадии становления этого народа. Эта странность характерна только для Китая. Нам привычно находить в истории стран некоторые четко обозначенные отправные точки, исторические документы, традиции, памятники прошлого, дающие нам возможность отслеживать почти шаг за шагом прогресс цивилизации, присутствовать при ее зарождении, наблюдать за ее развитием и продвижением вперед и – во многих случаях – последующим разложением и падением. Но такой подход нельзя применить к китайцам. Они, как представляется, существовали всегда в одной и той же стадии развития, что и в наши дни, и факты из древности как раз подтверждают это мнение»⁶.

Когда китайская иероглифическая письменность была впервые обнаружена во втором тысячелетии до новой эры в период династии Шан, Древний Египет переживал пик своей славы. Великие полисы (города-государства) Древней Греции еще не существовали, а до возникновения Рима оставалась тысяча лет. Шанская система письменности прямоком дошла до наших дней и используется сейчас миллиардом людей. Сегодня китайцы могут понимать надписи, сделанные во времена Конфуция; современные китайские книги и разговоры обогащаются насчитывающими сотни лет афоризмами, где упоминаются древние битвы и дворцовые интриги.

В то же самое время китайская история отражает множество периодов гражданских войн, междоусобиц и хаоса. После каждого крушения китайское государство восстанавливается

⁵ «Ssuma Ch'ien's Historical Records – Introductory Chapter», trans. Herbert J. Allen, *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* (London: Royal Asiatic Society, 1894), 278–280 («Chapter I: Original Records of the Five Gods»).

⁶ Abbe Regis-Evariste Hue, *The Chinese Empire* (London: Longman, Brown, Green & Longmans, 1855), as excerpted in Franz Schurmann and Orville Schell, eds., *Imperial China: The Decline of the last Dynasty and the Origins of Modern China – The 18th and 19th Centuries* (New York: Vintage, 1967), 31.

как будто по непреложному закону природы. В нужное для страны время появлялась новая фигура объединителя, по сути, повторяющего Желтого императора для подавления врагов и объединения Китая (а иногда и расширения его границы). Эпический роман XIV века «Троецарствие», весьма высоко оцениваемый китайцами на протяжении веков (включая Мао Цзэ-дуна, как говорят, внимательно и тщательно изучавшего роман в молодые годы), начинается повторяющимся рефреном: «Говорят, великие силы Поднебесной после длительного разобщения непременно воссоединяются, а после длительного воссоединения опять разобщаются»⁷. Любой период раздробленности воспринимался как нонсенс. Каждая новая династия прибегала к принципам правления, использовавшимся предыдущей династией, стремясь сохранять преемственность. Фундаментальные принципы китайской культуры охранялись, периодически проходя через испытания в пору бедствий.

До ключевого события – объединения Китая в 221 году до нашей эры – на протяжении тысячи лет сохранялось правление разных династий, постепенно распадавшихся на феодальные образования, варьируясь от автономии до независимого государства. Кульминацией стала длившаяся два с половиной века сумятица, которую в истории называли эпохой Воюющих государств (475–221 годы до н. э.). Подобное междуцарствие в Европе относится к периоду между Вестфальским договором 1648 года и концом Второй мировой войны, когда множество европейских государств боролось за превосходство, пытаясь сохранить баланс сил. Китай после 221 года до нашей эры сохранял идеальную империю и свое единство, но затем наступил период раскола, потом снова объединения – и все это в циклах, длившихся подчас сотни лет.

Когда государство распадалось, между различными его частями велись жестокие войны. Мао Цзэдун однажды привел в качестве примера тот факт, что во время периода так называемого Троецарствия (220–80 годы до н. э.)⁸ население Китая сократилось с 50 миллионов до 10 миллионов. Однако и конфликты между соперничавшими в XX веке группами стран в период Первой и Второй мировых войн также были очень кровопролитными.

Ареал распространения китайской культуры в своих самых больших пределах превышал размеры любого самого крупного европейского государства, а на деле равнялся размерам всей континентальной Европы. Китайский язык и культура, а также политическая власть и юрисдикция императора распространялись по всей известной территории: от степей и сосновых боров на севере, переходящих далее в Сибирь, до тропических джунглей и террасированных рисовых полей на юге, от восточного побережья с его каналами, портами и рыболовецкими деревнями до безжизненных пустынь Центральной Азии и границ на заснеженных горных пиках Гималаев. Размеры и разнообразие территории подтверждали понимание того, что Китай фактически являлся миром в себе. Так подкреплялась идея об императоре как о личности вселенского масштаба, восседающем в «Тянься» – в Поднебесной.

⁷ Ло Руаньчжун. «Троецарствие». М. 1984. С. 23.

⁸ Мао использовал этот пример, чтобы показать, почему Китай выживет даже в ядерной войне. Ross Terrill, *Mao: A Biography* (Stanford: Stanford University Press, 2000), 268.

Эра китайского превосходства

За тысячелетия существования китайской цивилизации Китаю никогда не приходилось иметь дела с другими странами или цивилизациями, сравнимыми с ним по своим масштабам и совершенству. Китайцам было известно об Индии, как позже отмечал Мао Цзэдун, но на протяжении большей части истории последняя была разделена на отдельные княжества. Обе цивилизации обменивались товарами и испытали влияние буддизма, чему помогал «шелковый путь», но в других сферах они не общались, их как бы разделяла неприступная стена Гималаев и Тибетского плато. Огромные и труднопроходимые пустыни Центральной Азии таким же образом отделяли Китай от расположенных на Ближнем Востоке культур Персии и Вавилона и уж тем более от Римской империи. Торговые караваны предпринимали периодические походы, но Китай как общество не вступал во взаимодействие с другими сопоставимыми с ним по размерам и достижениям обществами. Хотя между Китаем и Японией имелся ряд по сути похожих культурных и политических институтов, ни одна из этих стран не собиралась признавать превосходство другой; однажды они даже решили прервать контакты на несколько веков. Европа располагалась еще дальше и находилась, по воззрениям китайцев, в районе Западных океанов, оставаясь недоступной по своим понятиям для китайской культуры. Кроме того, ею, как сказал китайский император британскому посланнику в 1793 году, к сожалению, нельзя было обладать.

Территориальные притязания китайской империи ограничивались краями водных пространств. Еще во времена династии Сун (960–1279 годы) Китаю принадлежало мировое первенство в навигационном деле: его корабли могли бы привести империю в эру завоеваний и исследований⁹. Однако Китай не владел заморскими колониями и проявлял сравнительно мало внимания к странам, находящимся за пределами его берегов. Он не придумывал поводов для каких-то операций за рубежом, например, чтобы превратить варваров в адептов конфуцианства или сделать их настоящими буддистами. Когда монголы завоевали Китай и захватили сунскую флотилию с ее опытными капитанами, они сделали две попытки вторгнуться в Японию. Но обе оказались неудачными из-за плохой погоды: дул камикадзе, или «Божественный ветер», по японским верованиям¹⁰. Когда же монгольская династия рухнула, подобные экспедиции, хотя технически и возможные, никогда больше не повторялись. Ни один из китайских руководителей никогда не рассуждал о том, нужно ли Китаю устанавливать контроль над японским архипелагом.

Однако в первые годы правления Минской династии, в период между 1405 и 1433 годами, Китай предпринял один из наиболее значимых в его истории и таинственных морских походов: адмирал Чжэн Хэ снарядил экспедицию для того времени хорошо оснащенных с технической точки зрения «судов для сокровищ» и взял курс в направлении Явы, Индии, Африканского Рога и Ормузского пролива. Во времена путешествий Чжэн Хэ европейский век исследований еще не начинался. Китайская флотилия обладала техническими преимуществами, немыслимыми тогда ни для кого другого: по размерам судов, их совершенству, по количеству весел они превосходили испанскую армаду (до ее формирования оставалось еще 150 лет).

Историки продолжают спорить по поводу истинных целей этих миссий. Чжэн Хэ – единственный человек, проявивший себя в эпоху исследований: евнух из числа китайских мусульман, он был призван на императорскую службу еще ребенком, но у него не было никаких предшественников в истории страны. На каждой остановке во время своего путешествия он официально превозносил величие нового китайского императора, делал щедрые подарки пра-

⁹ John King Fairbank and Merle Goldman, *China: A New History*, 2nd enlarged ed. (Cambridge: Belknap Press, 2006), 93.

¹⁰ F. W. Mote, *Imperial China: 900-1800* (Cambridge: Harvard University Press, 1999), 614–615.

вителям, с которыми встречался, и приглашал их лично посетить Китай или направить туда своего посланника. Там им следовало признать свое зависимое положение в мире, где Китай являлся центром земли, согласившись выполнить ритуал «коутоу»¹¹ в знак признания превосходства императора. Тем не менее Чжэн Хэ не проявлял никаких территориальных притязаний, а лишь объявлял о величии Китая и раздавал приглашения, совершая при этом поразительные церемонии. Он привез на родину только подарки, или «дань»; он не объявлял о приобретенных колониях или ресурсах для Китая, которые расширяли бы пределы Поднебесной хотя бы чисто умозрительно. Его можно рассматривать всего лишь как человека, создававшего благоприятные условия для китайских торговцев таким способом, какой сегодня мы бы назвали ранним проявлением «мягкой силы»¹².

Экспедиции Чжэн Хэ резко прекратились в 1433 году, что совпало с возобновлением угроз северным границам Китая. Следующий император приказал расформировать флотилию и уничтожить записи Чжэн Хэ. Экспедиции такого рода больше никогда не проводились. И хотя китайские торговые люди продолжали плавать маршрутами Чжэн Хэ, мореходные способности Китая исчезли – да так, что реакцией правителей эпохи Мин на постоянную опасность со стороны пиратов на юго-восточном побережье Китая стал приказ переселить прибрежное население на десять миль в глубь страны. Мореходную историю Китая можно образно сравнить с дверными петлями, не способными, однако, вращаться: при всех технических возможностях быть впереди Китай, по сути, добровольно отказался от исследований морских просторов как раз в то время, когда европейский интерес в этой области стал возрастать.

«Великолепная изоляция» Китая питала мироощущение каждого отдельного китайца. Китайские элиты росли с привычным пониманием того, что Китай уникален: это не просто «великая цивилизация» среди прочих других, а сама по себе Цивилизация. Один английский переводчик писал в 1850 году:

«Образованный европеец, привыкший рассуждать о положении ряда стран, имеющих те или иные преимущества и те или иные специфические неблагоприятные условия, мог несколькими хорошо поставленными вопросами и при наличии сравнительно небольшой информации сделать правильный вывод о состоянии людей, доселе ему незнакомых. Но было бы большой ошибкой предполагать, что то же самое можно сказать о китайцах. Их отстраненность от иностранцев и ограниченность пределами собственной страны, к сожалению, сужает их воззрения, лишая всех возможностей делать какие-то сравнения; китайцы, таким образом, совсем не умеют абстрагироваться и судят обо всем с позиций чисто китайских традиций»¹³.

В Китае, разумеется, знали об иных обществах на перифериях их границ в Корее, Вьетнаме, Таиланде, Бирме, но в понимании китайцев Китай рассматривался как центр земли, Срединное государство, а другие общества считались производным от него. Китайцы представляли ситуацию следующим образом: множество малых стран, впитавших китайскую культуру и платящих дань величии Китая, составляют естественный порядок Вселенной. Границы между Китаем и окружающими народами заключались больше в культурных отличиях, чем в политических и территориальных разграничениях. Отблеск сияния китайской культуры по всей Восточной Азии заставил американского политолога Люсьена Пая произнести известную фразу о том, что в наше время Китай – это «цивилизация, притворяющаяся государством»¹⁴.

Такого рода постановка вопроса, подчеркивающая традиционный китайский миропорядок, сохранялась вплоть до нового времени. Еще в 1863 году китайский император (сам по

¹¹ Сложная церемониальная система поклонов вассала своему императору; часть того, что называют «китайскими церемониями». – *Примеч. пер.*

¹² Там же. С. 615.

¹³ Thomas Meadows, *Desultory Notes on the Government and People of China* (London: W. H. Allen & Co., 1847), as excerpted in Schurmann and Schell, eds., *Imperial China*, 150.

¹⁴ Lucian Pye, «Social Science Theories in Search of Chinese Realities», *China Quarterly* 132 (1992): 1162.

происхождению «иностранец» – из маньчжурской династии, завоевавшей Китай два столетия назад) направил послание, информируя Авраама Линкольна относительно обязательств Китая по поддержанию хороших отношений с Соединенными Штатами. В своем сообщении император в помпезных выражениях заверял в том, что, «получив с почтением на то соизволение Неба править Вселенной, Мы рассматриваем и Срединную Империю (Китай), и другие страны как составные части одной семьи без каких-либо различий»¹⁵.

К моменту отправки письма Китай уже потерпел поражение в двух войнах с западными державами, занятыми разделом сфер влияния на китайской территории. Император, по-видимому, расценивал произошедшие катастрофы как вторжение варваров, которые в конечном счете исчезнут как дым благодаря стойкой выносливости и более высокой культуре Китая.

Как показывает почти вся история Китая, его заявления, по сути, не несли в себе ничего невообразимого. С каждым поколением китайцы-ханьцы¹⁶ расширяли свою территорию, базировавшуюся в долине реки Хуанхэ (Желтой реки), вовлекая соседние общества в различные стадии близости с китайскими образованиями. Китайские научные и технические достижения равнялись, а зачастую и превосходили достижения западноевропейских, индийских и арабских партнеров¹⁷.

Китай традиционно намного превосходил европейские страны не только по населению и по размерам территории; до промышленной революции Китай был и намного богаче. Объединенный широкой системой каналов, соединяющих большие реки и густонаселенные центры, Китай на протяжении нескольких веков был наиболее производительной экономикой и наиболее населенной торговой зоной¹⁸. Но поскольку страна была преимущественно самодостаточной, другие регионы имели смутное представление о ее размерах и богатствах. По сути, Китай производил большую часть мирового ВВП, по сравнению с любой европейской страной, на протяжении восемнадцати из последних двадцати веков. Еще в 1820 году он производил более 30 процентов мирового ВВП, что превышает ВВП Западной и Восточной Европы, а также Соединенных Штатов, вместе взятых¹⁹.

Западные наблюдатели, которым доводилось побывать в Китае в начале нового времени, были удивлены его жизненной силой и материальным благополучием. Французский иезуит Жан-Батист Дю Альд в 1736 году так описывал ошеломительную реакцию, охватывавшую западных посетителей в Китае:

«Каждая провинция имела что-то свое особенное, добавьте сюда удобные приспособления для транспортировки товаров по рекам и каналам – все это содействовало процветанию внутренней торговли... Торговля внутри страны настолько велика, что торговые связи во всей

¹⁵ Ожидая, что его коллеги в Вашингтоне стали бы возражать против подобного провозглашения китайской юрисдикции над всем миром, американский посланник в Пекине получил дополнительный перевод и текстовое толкование от местного британского эксперта. Последний объяснил, что обидное выражение – буквально, «чтобы успокоить и обуздать мир» – было стандартной формулировкой и что его письмо Линкольна было фактически (по стандартам китайского двора) особенно скромным документом, состоявшим из выражений, демонстрирующих подлинную доброжелательность. *Papers Relating to Foreign Affairs Accompanying the Annual Message of the President to the First Session of the thirty-eighth Congress*, vol. 2 (Washington, D.C.: U. S. Government Printing Office, 1864), Document No. 33 («Mr. Burlingame to Mr. Seward, Peking, January 29, 1863»), 846–848.

¹⁶ Национальность хань – титульная национальность многонационального Китая. – *Примеч. пер.*

¹⁷ Для гениального подсчета этих достижений западными учеными, весьма (а иногда и излишне) очарованными Китаем, см. Joseph Needham's encyclopedic multivolume *Science and Civilization in China* (Cambridge: Cambridge University Press, 1954).

¹⁸ Fairbank and Goldman, *China*, 89.

¹⁹ Angus Maddison, *The World Economy: A Millennial Perspective* (Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 2006), Appendix B, 261–263. Следует принять во внимание тот факт, что до начала Промышленной революции общий ВВП был гораздо сильнее привязан к уровню населения; таким образом, Китай и Индия опережали Запад частично за счет их большего населения. Хотел бы поблагодарить Майкла Сембалеста за то, что обратил мое внимание на эти цифры. (Майкл Сембалест – директор по инвестициям банка JPMorgan. – *Примеч. пер.*)

Европе даже не сравнятся с ней, а провинции выглядят как многие королевства, которые предлагают друг другу свою продукцию»²⁰.

30 лет спустя французский политический экономист Франсуа Кёне написал даже так:

«Никто не сможет отрицать тот факт, что эта страна самая красивая в мире, самое многонаселенное и самое процветающее королевство из всех нам известных. Такая империя, как Китай, равна тому, чем могла бы быть вся Европа, будучи объединенной под властью одного монарха»²¹.

Китай вел торговлю с другими странами и изредка воспринимал идеи и изобретения из-за границы. Но чаще всего китайцы считали, что самое ценное из того, что есть в мире, и вообще все интеллектуальные достижения должны находиться в Китае. Торговля с Китаем приносила такие выгоды, что можно было считать лишь небольшим преувеличением ее сравнение китайской элитой не как с обычным экономическим обменом, а с «данью», которую платили превосходству Китая.

²⁰ Jean-Baptiste Du Halde, *Description géographique, historique, chronologique, politique, et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise* (La Haye: H. Scheurleer, 1736), переведено и цитируется по: Schurmann and Schell, eds., *Imperial China*, 71.

²¹ Francois Quesnay, *le despotisme de la Chine*, переведено и цитируется по: Schurmann and Schell, eds., *Imperial China*, 115.

Конфуцианство

Почти все империи создавались силой, однако ни одна не могла сохраняться при ее помощи. Всеобщее правило гласит: для сохранения единого целого надо превратить подчинение силе в подчинение обязательствам. Иными словами, энергия правителей истощится из-за необходимости постоянно поддерживать свою власть за счет применения силы. Правители должны уметь предвидеть и формировать будущее – в этом высшая цель искусства управления государством. Империи продолжают свое существование, если репрессии уступают место консенсусу.

Так было и с Китаем. Методы, при помощи которых его объединяли, а затем расчленили и снова объединяли, были подчас весьма грубыми. В китайской истории имели место кровавые восстания и династические тирании. И все же Китай был обязан своим существованием на протяжении тысяч лет не столько наказаниям, которые накладывали его императоры, сколько привитой его населению общности ценностей и правлению просвещенных чиновников.

Весьма простым для понимания является тот факт, что китайские культурные ценности по своей природе не были какими-то особенными и далекими от реальной жизни. В то время, когда в индийской культуре появился буддизм с его упором на медитацию и внутренний мир, еврейские проповедники – а позднее христиане и мусульмане – продвигали монотеизм с его главным постулатом о жизни после смерти, в Китае не было ничего религиозного в европейском смысле этого слова. Китайцы никогда не придумывали мифы о создании космоса. Их Вселенная была создана самими китайцами, чьи ценности, даже если они имели всеобщую применимость, были изначально придуманы ими самими.

Авторство о превосходстве ценностей китайского общества принадлежит древнему философу Кун Фуцзы (или Конфуцию в европейском варианте произношения). Конфуций (551–479 годы до н. э.) жил в последние годы эпохи Весен и Осеней (770–476 годы до н. э.), периода политических переворотов, которые вели к кровавым схваткам правления Воюющих государств (475–221 годы до н. э.). Правящий дом Чжоу находился в упадке и не мог усмирить взбунтовавшихся князей, боровшихся друг с другом за власть. Жадность и насилие правили миром. В Поднебесной вновь воцарился хаос.

Конфуций, как и Н. Макиавелли, принадлежал к числу тех, кто вдоль и поперек исколесил страну в надежде получить место советника у одного из князей, а потом просто боролся за выживание. Но в отличие от Макиавелли Конфуция больше заботило внедрение гармонии в общество, чем манипулирование властью. Основное место в его рассуждениях занимали принципы правления, проявляющего сострадание, а также выполнение правильных ритуалов и внедрение сыновней почтительности. Конфуций не предлагал кратчайшего пути к богатству и власти, возможно, потому он и умер, не достигнув своей цели: не повстречал князя, который смог бы воплотить в жизнь его максимы, а Китай продолжал катиться в пропасть политического коллапса и войны²².

Однако учение Конфуция, записанное его учениками, выжило. Когда кровопролития закончились и Китай снова стал единым, династия Хань (206 год до н. э. – 220 год) восприняла идеи Конфуция как официальную государственную философию. Высказывания Конфуция, собранные в одном сборнике «Лунь юй» («Беседы и суждения»), или «Аналекты Конфуция», а также последующие книги научных комментариев трансформировались в каноны конфуцианства, превратившись в некое подобие китайской Библии и конституции, вместе взятые. Умение разбираться с этими текстами стало критерием для поступления на службу китай-

²² Для исследования политической карьеры Конфуция, воплотившей в себе классические китайские оценки, см. Annping Chin, *The Authentic Confucius: A Life of Thought and Politics* (New York: Scribner, 2007).

ской императорской бюрократии – этого конклава сведущих в литературе ученых-чиновников, которых отбирали на общенациональных экзаменах и назначали поддерживать гармонию в огромном государстве императора.

Хаосу своей эпохи Конфуций противопоставил понятие «Дао» (путь) справедливого и гармоничного общества, существовавшего, как он учил, когда-то в прошлом – в далеком «золотом веке» Китая. Главной духовной задачей человечества является воссоздание настоящего порядка, находящегося на грани утраты. Работа для души возводилась в задачу не столько откровения или освобождения, сколько терпеливого возрождения забытых принципов сдержанности. Цель – очищение, а не прогресс²³. Учение являлось ключом к продвижению вперед конфуцианского общества. Итак, Конфуций сказал:

«Любовь к доброте без любви к учебе чревата глупостью.

Любовь к знаниям без любви к учебе чревата общими рассуждениями. Любовь к честности без любви к учебе чревата вредной откровенностью.

Любовь к прямоте без любви к учебе чревата неверными суждениями. Любовь к бесстрашию без любви к учебе чревата неподчинением старшим.

А любовь к силе характера без любви к учебе чревата упрямством»²⁴.

Конфуций проповедовал кредо об иерархическом обществе, где главная обязанность – «знать свое место». Конфуцианство предлагало своим последователям молиться в стремлении к высшей гармонии. В отличие от проповедников монотеистических религий Конфуций не проповедовал телеологической²⁵ предопределенности истории, указывающей человечеству путь личного спасения. Его философия искала спасение государства через правильное поведение отдельного индивида. Будучи ориентированным на этот мир, его учение устанавливало кодекс поведения в обществе, а не указывало путь в загробный мир.

На вершине пирамиды китайского миропорядка стоял император – фигура, не имевшая себе равной в западном обществе. Он объединял в себе как духовное, так и мирское начало общественного порядка. Китайский император был как политическим правителем, так и загадочным понятием. По своей политической роли император воспринимался как высший властелин человечества – император рода человеческого, стоящий вверху мировой политической вертикали, отражавшей конфуцианскую иерархическую структуру общества в Китае. Китайский протокол требовал принятия его верховенства путем коутоу – акта падения ниц, когда бьют лбом об пол трижды при каждом падении.

Вторая, загадочная, ипостась императора заключалась в его статусе «Сына Неба», символическом посреднике между Небом, Землей и человечеством. Эта роль накладывала моральные обязательства на императора. Император как человек, выполняющий правильные ритуалы и время от времени, как и все, претерпевавший суровые наказания, воспринимался как стержень «Великой гармонии» всех вещей, больших и малых. Если император отступал от пути добродетели, Поднебесная могла впасть в хаос. Даже природные катаклизмы могли означать дисгармонию, охватившую Вселенную. Правящая династия представлялась утратившей «мандат Неба», которое наделяло ее правом управлять: начинались восстания и новые династии восстанавливали Великую гармонию во Вселенной²⁶.

²³ See Benjamin I. Schwartz, *The World of Thought in Ancient China* (Cambridge: Belknap Press, 1985), 63–66.

²⁴ Confucius, *The Analects*, trans. William Edward Soothill (New York: Dover, 1995), 107.

²⁵ Телеология – использование понятия цели для объяснения любых явлений. – *Примеч. пер.*

²⁶ См. Mark Mancall, «The Ch'ing Tribute System: An Interpretive Essay», in John King Fairbank, ed., *The Chinese World Order* (Cambridge: Harvard University Press, 1968), 63–65; Mark Mancall, *China at the Center: 300 Years of Foreign Policy* (New York: Free Press, 1984), 22.

Концепции международных отношений: беспристрастность или равенство

Поскольку в Китае нет огромных соборов, там нет и дворцов Бленема. Политические гранды из числа аристократии вроде герцога Мальборо, построившего Бленем, еще не родились. Европа вступила в современную эпоху политической разношерстности – независимые принцы, герцоги и графы, самоуправляющиеся города, римская католическая церковь, претендовавшая на власть вне сферы компетенции государства, протестантские группы, стремившиеся строить свои собственные самоуправляемые гражданские сообщества.

Китайский поход к миропорядку во многом отличался от господствовавшей на Западе системы. Современная европейская концепция международных отношений возникла в XVI и XVII веках, когда средневековые структуры в Европе распались на группы приблизительно равных по значимости государств, а католическая церковь разделилась на разные автономные церкви. Основанная на балансе сил дипломатия определялась не столько их выбором, сколько неизбежностью. Ни одно из государств не обладало достаточной мощностью, чтобы навязывать кому-либо свою волю; религии тоже не хватало сил для поддержания единообразия во всех странах. Концепция суверенности и равенства перед законом любого государства стала основой международного права и дипломатии.

И лишь Китай никогда не снисходил до длительного общения с другой страной на принципах равенства, ведь ему никогда не встречались общества, сравнимые с ним по культуре и величию. Тот факт, что китайская империя возвышалась над всеми в своем географическом районе, принимался, по сути, как закон природы, своего рода мандат Неба. Для китайских императоров этот мандат отнюдь не означал неизбежно враждебных отношений с соседними народами, как правило, все обстояло по-другому. Как и Соединенные Штаты, Китай верил в свою особую миссию. Но Китай никогда не поддерживал американскую идею универсализма для распространения своих ценностей по всему миру. Китай занимался контролем за действиями варваров непосредственно у своего порога. Он стремился к тому, чтобы такие государства, как Корея, платившие дань, признавали особый статус Китая, а в ответ он даровал бы им такие привилегии, как торговые права. Что касается варваров, находящихся далеко, к примеру, европейцев, о которых они знали мало, китайцы, если снисходили до этого, относились к ним с дружественной отчужденностью. И они отнюдь не стремились превращать европейцев в свое подобие. Первый император Минской династии в 1372 году так выразил мысль об этом: «Страны Западного океана правильно называют отдаленными регионами. Они прибывают [к нам] из-за моря. Им трудно подсчитать год и месяц [прибытия]. Сколько бы их ни было, мы обращаемся с ними [по принципу] «кто прибыл к нам со скромностью, того мы провожаем с щедростью»²⁷.

Китайские императоры полагали бессмысленным рассматривать вопрос об оказании влияния на те страны, которым не повезло от природы располагаться так далеко от Китая. В китайском варианте исключительности Китай не навязывает другим свои идеи, но позволяет чужакам приезжать и получать их. Соседние народы, как полагали китайцы, получали выгоду от общения с Китаем и китайской цивилизацией. От них требовалось лишь одно – признавать сюзеренитет китайского правительства. Те же, кто не признавал это, были варварами. Раболепие перед императором и соблюдение имперских ритуалов составляли главную суть культуры²⁸. Когда империя была сильной, ее культурная сфера расширялась. Поднебесная являлась

²⁷ Ross Terrill, *The New Chinese Empire* (New York Basic Books, 2003), 46.

²⁸ Fairbank and Goldman, *China*, 28, 68–69.

многонациональным территориально-государственным образованием с китайцами-ханьцами, составляющими большинство, и с множеством неханьских этнических групп.

Судя по китайским официальным документам, иностранные послы прибывали к императорскому двору не для того, чтобы вести переговоры или по каким-то государственным делам; они «прибывали, желая преобразиться» под культурным влиянием императора. Император не проводил «встреч на высшем уровне» с главами других государств: его аудиенции имели своей целью проявить «нежную заботу о людях издалека», принесших дань в знак признания его превосходства. Когда же императорский двор в Китае снисходил до того, чтобы направить своего представителя за границу, он посылал туда не дипломатов, а «небесных посланников» двора Поднебесной империи.

Организация китайского правительства отражала иерархический подход к мировому порядку. Китай поддерживал связи с платившими ему дань странами, такими как Корея, Таиланд и Вьетнам, через министерство церемоний, что подразумевало только один аспект: дипломатия с этими народами являлась всего лишь частью умозрительной задачи поддержания Великой гармонии. Отношения с менее окитаизированными племенами к северу и западу от страны осуществлялись через «канцелярию для зависимых стран», нечто подобное колониальной администрации, в чью обязанность входило давать титулы вассальным князьям и поддерживать мир на границах²⁹.

Только в результате нажима со стороны Запада, в XIX веке несколько раз вторгавшегося в Китай, последнему после поражения в двух войнах с западными державами в 1861 году пришлось учредить аналог министерства иностранных дел, занимавшегося дипломатией в качестве самостоятельной правительственной функции. Министерство полагалось временной мерой, от которой откажутся сразу же после того, как минует непосредственный кризис. Новое министерство специально разместили в старом непрестижном помещении, ранее использовавшемся департаментом железных денег. Как сказал ведущий государственный деятель Цинской династии великий князь Гун, за этим просматривался «скрытый подтекст: оно не имеет такого же влияния, какое имеют другие традиционные правительственные ведомства, тем самым как бы сохраняя различие между Китаем и иностранными государствами»³⁰.

Идеи о межгосударственной политике и дипломатии европейского типа не входили в практику Китая. Более того, они противоречили традициям Китая и существовали только во времена раскола. Но будто по какому-то неписаному закону эти периоды разделения кончались объединением Поднебесной и восстановлением каждой новой династией принципа китаецентризма.

В качестве империи Китай предлагал другим окружающим его народам беспристрастность, но не равенство: он будет относиться к ним гуманно и с сочувствием в той степени, в какой они принимают китайскую культуру, а соблюдение ими ритуалов означает подчинение Китаю.

Самым примечательным в плане китайского подхода к международным делам меньше всего были его огромные официальные претензии, главным оставалось подчеркивание его стратегической прозорливости и вечного существования. На протяжении почти всего времени в китайской истории многочисленные «менее развитые» народы, проживавшие вдоль протяженных и меняющихся границ Китая, зачастую обладали лучшим вооружением и большей мобильностью, чем китайцы. К северу и западу от Китая проживали полукочевые народы — маньчжуры, монголы, уйгуры, тибетцы и, наконец, экспансионистская Российская империя, чья кавалерия могла относительно безнаказанно осуществлять налеты через обширные гра-

²⁹ Masataka Banno, *China and the West, 1858–1861: The Origins of the TsungliYamen* (Cambridge: Harvard University Press, 1964), 224–225; Mancall, *China at the Center*, 16–17.

³⁰ Banno, *China and the West*, 224–228; Jonathan Spence, *The Search for Modern China* (New York: W. W. Norton, 1999), 197.

ницы Китая в его внутренние сельскохозяйственные земли. Для Китая же ответные экспедиции осложнялись такими обстоятельствами, как враждебная местность и большие пути для тылового обеспечения. К югу и востоку от Китая проживали люди, хотя номинально и подчиненные Китаю с космологической точки зрения, но обладавшие значительными военными традициями и национальными особенностями. Наиболее жизнестойкие из них – вьетнамцы – упорно сопротивлялись китайским претензиям на верховенство и могли похвастать своими боевыми победами над Китаем.

Китай никогда не мог завоевать всех своих соседей. Его население состояло в основном из крестьян, привязанных к землям их предков. Китайская элита – мандарины – становилась таковой не благодаря воинской храбрости, а совершенствуя знания в области конфуцианской классики и изящных искусств, таких как каллиграфия и поэзия. Соседние народы, каждый сам по себе, могли представлять огромную угрозу; если бы у них существовало какое-то единство, они могли бы тогда превосходить Китай. Историк Оуэн Латтимор писал: «...Вторжения варваров, так или иначе, представляли постоянную угрозу для Китая... Любая варварская страна, способная обеспечить безопасность своих тылов и флангов от нападения другой варварской страны, могла безбоязненно вторгнуться в Китай»³¹. Пресловутый центризм Китая и его материальное благополучие могли сработать против китайцев и стать приглашением к вторжению извне.

Великая стена, широко известная по западным описаниям Китая, явилась отражением этой главной уязвимости, хотя и не была примером успешного решения проблемы. Взамен китайские государственные деятели опирались на набор дипломатических и экономических инструментов, стремясь повернуть враждебно настроенных иностранцев в русло таких отношений, с которыми китайцы могли бы справиться. Самым большим желанием было не столько завоевание (хотя Китай периодически проводил военные кампании), сколько предотвращение вторжения и недопущение создания варварских коалиций.

Предлагая торговые льготы и мастерски используя политическую арену, Китай терпеливо добивался от соседних народов признания его центральной роли, демонстрируя образ потрясающей величественности, чтобы потенциальным агрессорам не могла даже закрасться в голову мысль проверить Китай на прочность. Его целью было не завоевывать и не подминать под себя варваров, а «править [ими] на свободном поводе». В отношении тех же, кто не хотел подчиниться, Китай применял тактику их разделения, отлично «используя варваров против варваров»³². Вот что писал один из чиновников периода правления минской династии о племенах, несших скрытую угрозу северо-восточным границам Китая:

«Если племена разобщены между собой, они [остаются] слабыми и их легко держать в повиновении; если племена разделены, они чуждаются одно другому и легко подчиняются. Мы поощряем кого-либо [из их вождей] и позволяем им воевать между собой. Это является принципом [ведения] политики, гласящим: “внутренние войны между варварами благоприятны для Китая”»³³.

Цель этой системы сугубо оборонительная: не допустить создания коалиции на китайских границах. Принципы управления варварами так прочно укоренились в китайских официальных идеях, что, когда европейские «варвары» крупными силами пришли к китайским берегам в XIX веке, китайские чиновники описывали их вызов теми же самыми фразами, которые использовали их предшественники из предыдущих династий: они будут «использовать варваров против варваров», до тех пор пока их не усмирят и не покорят. И они стали приме-

³¹ Owen Lattimore, «China and the Barbarians», in Joseph Barnes, ed., *Empire in the East* (New York: Doubleday, 1934), 22.

³² Lien-sheng Yang, «Historical Notes on the Chinese World Order», in Fairbank, ed., *The Chinese World Order*, 33.

³³ Китай и соседи в древности и Средневековье (ред. Тихвинский С. Л. М., 1970. Мелихов Г. В. Политика Минской империи в отношении чжурчженей. (1402–1413 гг.). С. 264.

нять традиционную стратегию против нападения англичан. Они пригласили другие европейские страны, с тем чтобы вначале поощрить их, а затем возбудить вражду между ними.

Преследуя данные цели, китайский двор был на удивление прагматичным в том, что касается используемых им средств. Китайцы подкупали варваров или использовали демографическое превосходство ханьцев для их разобщения. Потерпев поражение, китайцы подчинялись варварам, как это произошло в начале правления династий Юань и Цин, а за этим следовала китаизация завоевателей. Императорский двор в Китае часто применял то, что в другом случае квалифицировалось бы как умиротворение, хотя эти шаги, пропущенные через сито тщательно разработанного протокола, позволяли китайской элите утверждать – это проявление благосклонного превосходства. Один из министров династии Хань так описывал «пять искушений», с чьей помощью удалось бы справиться с нависшими на северо-восточных границах гуннами:

«Дать им... изысканные одежды и кареты, чтобы подкупить их зрение; дать им вкусной еды, чтобы подкупить их рот; дать музыку и женщин, чтобы подкупить их уши; предоставить им большие дома, зернохранилища и рабов, чтобы подкупить их животы... Что касается тех, кто захочет сдаться, император окажет им благосклонность и устроит в их честь императорский прием, где император лично подаст им вина и еды, чтобы подкупить их разум. Это и есть то, что можно назвать пятью искушениями»³⁴.

Во времена своего расцвета дипломатия Срединного государства служила инструментом проведения идеологии императорской власти. В периоды ослабления она старалась скрыть ее слабости и помогала Китаю справляться с соперничающими силами.

В сравнении с более современными региональными претендентами на власть Китай выглядел удовлетворенной всем империей с ограниченными территориальными амбициями. Как отмечал ученый периода династии Хань, «император не правит варварами. Те, кто к нему приходит, не будут отвергнуты, а тех, кто от него уходит, не будут преследовать»³⁵. Целью дипломатии прежде всего являлась уступчивая и разобщенная периферия, чем установление над ней строгого контроля со стороны Китая.

Наиболее примечательным выражением прагматизма Китая в главном следует считать его отношение к завоевателям. Когда иностранные династии побеждали в сражениях, китайская чиновничья элита предлагала свои услуги и вызвала к завоевателям, убеждая их, что такими обширными и уникальными землями, только что ими покоренными, можно управлять только китайскими методами с помощью китайского языка и имеющегося китайского бюрократического аппарата. С каждым поколением завоеватели находили себя все более ассимилированными в тот порядок, который они стремились покорить. В конечном счете их родные земли – стартовые позиции их вторжения – становились частью собственно Китая. Оказывалось, они преследуют традиционные китайские интересы, а объект завоевания при этом снова главенствует³⁶.

³⁴ Ying-shih Yü, *Trade and Expansion in Han China: A Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations* (Berkeley: University of California Press, 1967), 37.

³⁵ Immanuel C.Y. Hsu, *China's Entrance into the Family of Nations: The Diplomatic Phase, 1858–1880* (Cambridge: Harvard University Press, 1960), 9.

³⁶ Именно таким образом осуществлялось расширение китайского суверенитета над Монголией (как «Внутренней», так и на различных этапах китайской истории «Внешней») и Маньчжурией, которые изначально являлись колыбелью иностранных завоевателей, основавших династии Юань и Цин.

Китайская «реальная политика» и «Искусство войны» Сунь-цзы

Китайцы всегда являлись хитрыми проводниками «реал-политик» и адептами стратегических доктрин, четко отличавшихся от стратегии и дипломатии, которые предпочитали проводить на Западе. Бурная история учила китайское руководство тому, что не каждая проблема имеет свое решение и что чересчур большой упор на полное господство над каким-то отдельным событием может разрушить гармонию Вселенной. У империи было слишком много потенциальных врагов, чтобы она чувствовала себя в полной безопасности. Если бы вдруг каким-то чудом в судьбе Китая возникла эта самая полная безопасность, то он все равно не ушел бы от потенциальной угрозы: Китаю всегда приходилось учитывать основные принципы жизни десятка соседних стран с разительно различными историями и устремлениями. Когда же конфликты интересов случались, китайские государственные деятели очень редко шли на риск и действовали по принципу: все или ничего. Их стилю ближе всего подходила разработка долгосрочных ходов. Там, где в западных традициях предпочли бы решительное столкновение сил и сделали бы упор на героические подвиги, для китайцев идеальной тактикой являлись подчеркивание дипломатических тонкостей, использование окольных путей и терпеливое накопление относительных преимуществ.

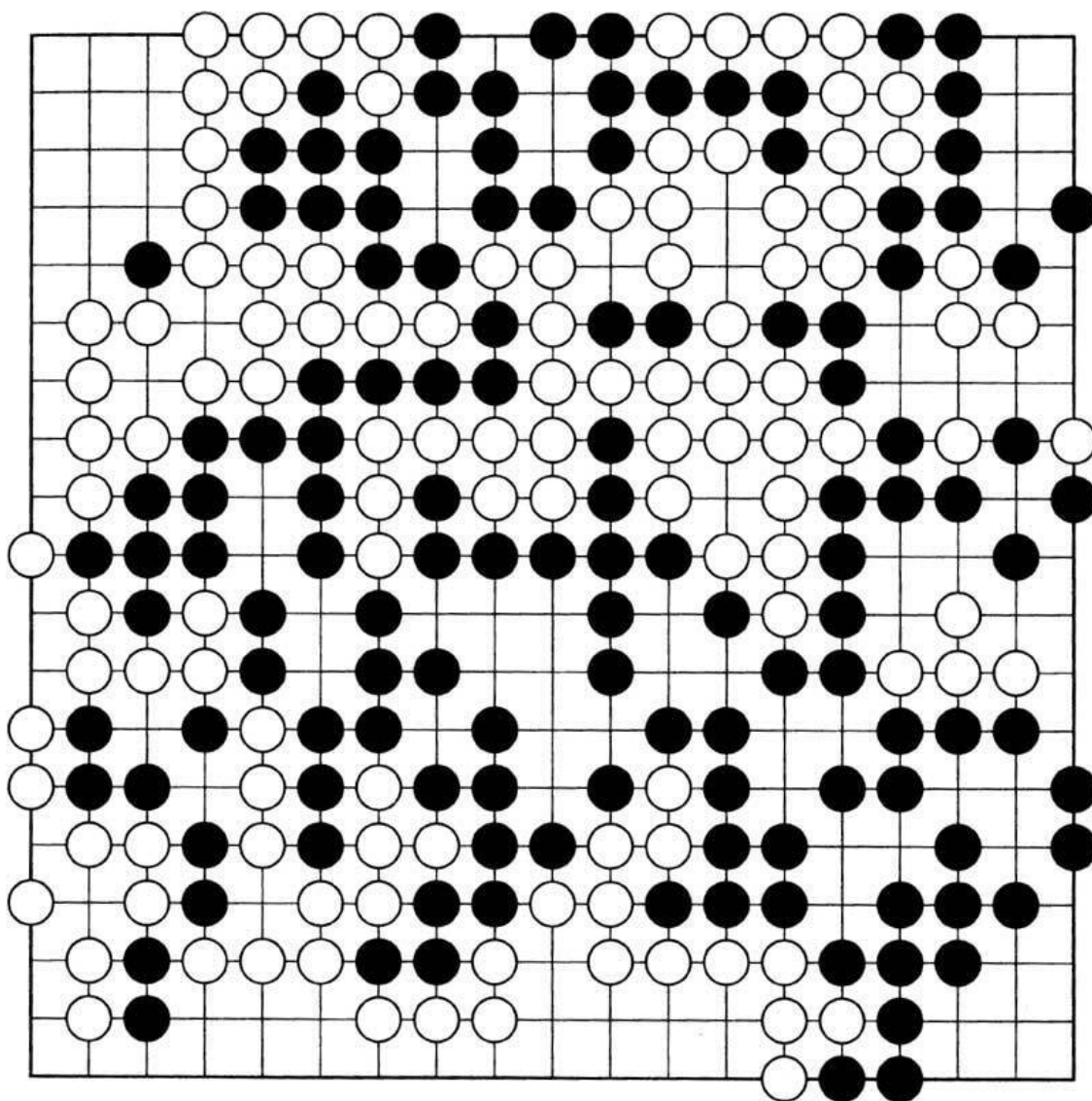
Этот контраст отражается в соответствующих интеллектуальных играх, присущих каждой из цивилизаций. Игра, самая древняя в истории китайцев, называется «вэйци», на Западе часто именуется японским именем «го», представляя разновидность этой игры. «Вэйци» переводится как «игра окружающих фишек»³⁷, она строится по принципу стратегического окружения. Доска, расчерченная на клетки в количестве 19 на 19, в начале игры остается свободной. У каждого игрока имеется 180 фишек, или камней, одинаковых по стоимости. Игроки ходят по очереди, ставя камни в любой точке на доске, выстраивая позиции силы, одновременно стремясь окружить и захватить камни противника. Многочисленные схватки происходят одновременно в разных частях доски. Баланс сил меняется с каждым ходом по мере того, как игроки осуществляют свои стратегические планы и реагируют на инициативы друг друга. В конце хорошо сыгранной игры доска оказывается заполненной частично заблокированными силовыми районами. Степень превосходства зачастую очень небольшая, и для неопытного глаза отнюдь не совсем ясно, кто же победил³⁸.

Шахматы, с другой стороны, – игра полной победы одной из сторон. Целью игры является объявление шаха, то есть следовало поставить короля противника в такую позицию, где он не может двигаться, не будучи уничтоженным. Большинство игр заканчивается полной победой, достигаемой путем изматывания противника, или, что реже, путем решительного и умелого маневра. Единственным другим результатом является ничья, означающая отказ от надежды на победу обеих сторон.

Если шахматы – игра за решающую победу, то «вэйци» – игра затяжной кампании. Шахматный игрок стремится к полной победе. Игрок в «облавные шашки» старается получить относительное преимущество. В шахматах игрок всегда видит возможности противника перед ним: все фигуры расставлены на доске.

³⁷ На русский язык эта игра переводится как «облавные шашки». – *Примеч. пер.*

³⁸ Для поучительных обсуждений этих тем и более полного объяснения правил игры в «вэйци», см. David Lai, «Learning from the Stones: A Go Approach to Mastering China's Strategic Concept, *Shi*» (Carlisle, Pa.: United States Army War College Strategic Studies Institute, 2004); and David Lai and Gary W. Hamby, «East Meets West: An Ancient Game Sheds New Light on U.S.-Asian Strategic Relations», *Korean Journal of Defense Analysis* 14, no. 1 (Spring 2002).

РЕЗУЛЬТАТ ИГРЫ В «ОБЛАВНЫЕ ШАШКИ» МЕЖДУ ДВУМЯ ЗНАТОКАМИ ИГРЫ

ЧЕРНЫЕ ВЫИГРАЛИ С НЕБОЛЬШИМ ПЕРЕВЕСОМ

Источник: Дэвид Лай «Учимся на камнях: овладеваем китайской стратегической концепцией “и” с помощью игры в “го”». (Карлайл, Пенсильвания: Институт стратегических исследований Военный колледж сухопутных войск США, 2004 г.)

Игроку в «облавные шашки» нужно оценить не только фишки на доске, но и подкрепление, которое может использовать противник. Шахматы учат клаузевицианскому подходу с идеей относительно «центра тяжести» и «кульминационного пункта» – игра обычно начинается как борьба за центр на доске. «Вэйци» учит искусству стратегического окружения. Если шахматист стремится уничтожить фигуры своего противника серией лобовых ударов, то талантливый игрок в «облавные шашки» ходит в «пустые» места на доске, постепенно сокращая стратегический потенциал камней противника. Шахматы вырабатывают простоту мышления, «вэйци» – стратегическую гибкость.

Подобного рода различие существует и в случае с китайской особой военной теорией. Ее основы заложены во времена потрясений, когда жестокие сражения между враждующими царствами косили население Китая. Реагируя на такое массовое убийство (и пытаясь выжить

после него), китайские мыслители разработали стратегическую идею, согласно которой на первое место ставилась победа, достигнутая за счет психологического преимущества, они проповедовали недопущение прямого конфликта.

Истории известна такая плодотворная фигура по части сей славной традиции, как Сунь-цзы (или «учитель Сунь»), автор знаменитого трактата «Искусство войны». Загадкой истории является тот факт, что никто точно не знает, кем он был. С древних времен ученые спорят относительно происхождения автора «Искусства войны» и даты написания этого трактата. Книга представляет собой сборник высказываний некоего Сунь У, генерала и странствующего военного советника периода Весен и Осеней китайской истории (770–476 годы до н. э.), записанных его учениками. Некоторые китайские, а позднее и западные ученые задавались вопросом: а существовал ли этот учитель Сунь на самом деле или, если он существовал, действительно ли он ответственен за содержание «Искусства войны»³⁹?

За два с лишним тысячелетия после составления трактата эта книга наблюдений по проблемам стратегии, дипломатии и войны, выраженных в форме афоризмов – написанная на классическом китайском языке и представляющая собой нечто среднее между поэзией и прозой – остается главным учебником военной мысли. Содержащиеся в трактате изречения получили точное воплощение в период гражданской войны в Китае XX столетия в действиях ученика Сунь-цзы Мао Цзэдуна, а также во время вьетнамской войны в действиях Хо Ши Мина и Во Нгуен Зиапа, использовавших принципы Сунь-цзы о не прямых атаках и психологических сражениях против Франции и потом против Соединенных Штатов. (Сунь-цзы также получил как бы вторую жизнь на Западе в виде популярных изданий «Искусства войны», превративших его в гуру современного делового управления.) Даже в наше время крылатые выражения Сунь-цзы читаются как до некоторой степени отвечающие духу сегодняшнего дня и способные проникать в суть вещей, что ставит его в один ряд с наиболее знаменитыми мыслителями-стратегами мира. Кто-то может даже утверждать, что пренебрежение его наставлениями явилось главной причиной американских фиаско в азиатских войнах.

Сунь-цзы отличается от западных авторов по вопросам стратегии его упор на психологические и политические элементы в противовес чисто военным. Великие европейские военные теоретики Карл Клаузевиц и Антуан Анри Жомини рассматривали стратегию как самостоятельную деятельность в отрыве от политики. Даже известное изречение Клаузевица о том, что война является продолжением политики, но другими средствами, подразумевает, что при помощи войны государственный деятель вступает в новую и отличительную стадию.

Сунь-цзы объединяет две сферы. Если западные стратеги рассуждают о способах концентрации подавляющей силы в решающем месте, Сунь-цзы обращается к средствам создания доминирующей политической и психологической позиции, такой, при которой результатом конфликта становится отказ от конфликта. Западные стратеги проверяют свои изречения победами в сражениях, Сунь-цзы проверяет их победами, делающими сражения ненужными.

Учебник Сунь-цзы по вопросам войны не имеет такой степени экзальтации, какая присуща некоторым европейским произведениям на ту же тему, не вызывает он и к личному героизму. Определенная мрачность трактата отражается в зловещем начале «Искусства войны»:

Война – серьезное дело государства;
Это дело жизни и смерти,

³⁹ Имеются убедительные свидетельства того, что «Искусство войны» – это труд более позднего (хотя все еще древнего) автора эпохи Воюющих государств и что он стремился придать своим идеям большую достоверность, соотнеся их к более ранним датам времен Конфуция. Эти факты обобщены Сун-цзы в «Искусстве войны», перевод Samuel B. Griffith (Oxford: Oxford University Press, 1971), Introduction, 1-12; and Andrew Meyer and Andrew Wilson, «Sunzi Bingfa as History and Theory», in Bradford A. Lee and Karl F. Walling, eds., *Strategic Logic and Political Rationality: Essays in Honor of Michael Handel* (London: Frank Cass, 2003).

Путь к выживанию или гибели,
Дело, которое надо тщательно обдумывать⁴⁰.

Именно потому, что последствия войны такие серьезные, благоразумие становится самым ценным качеством:

Правитель никогда не должен, будучи во гневе,
Принимать решения о мобилизации своих людей;
Генерал никогда не должен, по злобе душевной,
Ввязываться в битву...

Гнев можно поменять на удовольствие;
Злобу можно сменить на радость.
Но разрушенную страну нельзя будет снова восстановить,
Погибшие не смогут воскреснуть.

Поэтому осторожный правитель благоразумен;
Готовый к действиям генерал предусмотрителен.
В этом заключается Путь,
Чтобы сохранить в стране мир
И не задействовать армию⁴¹.

О чем должен беспокоиться государственный деятель? Для Сунь-цзы победа не просто триумф вооруженных сил, наоборот, это достижение тех наивысших политических целей, которые, как предполагалось, могли бы быть обеспечены при помощи военного столкновения. Гораздо лучше вызова противника на поле боя подрыв его морального духа или втягивание его на невыгодные ему позиции, откуда спасение невозможно. Поскольку война есть крайне ужасное и сложное мероприятие, важным является познание самого себя. Стратегия сводится к психологическому соревнованию:

Высшим совершенством является
Не достижение победы в каждом сражении,
А нанесение поражения противнику,
Даже не начиная битвы.
Наивысшей формой войны
Является удар по стратегии [неприятеля];
Следующим шагом следует
Нападение на его союзников.
Дальше следует атаковать армии;
Самой низкой формой войны
Является нападение на города.
Осада как война
Является последним средством...
Опытный стратег наносит поражение врагу
Без развязывания сражения,
Захватывает города без их осады,

⁴⁰ Sun Tzu, *The Art of War*, trans. John Minford (New York: Viking, 2002), 3.

⁴¹ Там же. С. 87–88.

Сваливает государства противника
Без продолжительных войн⁴².

В идеале полководец получает позицию такого превосходства, при котором он может и вовсе избежать войны. Или же он использует оружие, чтобы осуществить завершающий смертельный удар после глубокого анализа, а также материально-технической, дипломатической и политической подготовки. С учетом это Сунь-цзы советует:

Победоносная армия сначала побеждает,
А потом прибегает к военным действиям;
Потерпевшая поражение армия сначала воюет,
А потом стремится к победе⁴³.

Так как атаки на стратегию противника и его союзников включают психологию и проницательность, Сунь-цзы особо подчеркивает важность использования уловок и дезинформации. Он советует поступать так:

Когда ты силен, притворись слабым;
Когда перемещаешь войска, сделай вид, что это не так.
Когда находишься близко, покажи, что ты далеко;
Когда ты далеко, покажи, что ты близко⁴⁴.

Для придерживающегося советов Сунь-цзы полководца победа, достигнутая не напрямую, а путем обмана или манипуляций, является более гуманной (и явно более экономичной), чем победа в результате превосходства сил. «Искусство войны» советует полководцу побудить противника выполнять именно то, что ему самому требуется, или заставить его занять настолько невыгодную позицию, что он предпочтет сдать свою армию или страну без потерь.

Возможно, самым важным моментом в понимании Сунь-цзы было то, что в военном или политическом противостоянии все относительно и все взаимосвязано: погодные условия, формы местности, дипломатическая активность, шпионские донесения и агентурные данные, снабжение и работа тыловых служб, соотношение сил, общие исторические предпосылки, а также такие нематериальные факторы, как внезапность, моральный дух. Каждый фактор влияет на другие, придавая тончайший импульс движению в ту или иную сторону и давая тем самым относительное преимущество. Не бывает изолированных друг от друга событий.

Отсюда задача стратега состоит не столько в анализе конкретной ситуации, сколько в определении ее соотношения с обстановкой, в которой она возникает. Ни одна из конкретных совокупностей факторов не является статичной, каждый пример верен для конкретной ситуации и в конкретном контексте. Стратег должен определить направление этого развития и поставить на службу своим целям. Сунь-цзы использует слово «ши» для этой характеристики, понятие, не имеющее прямого западного эквивалента⁴⁵. В военном смысле этого понятия «ши» имеет дополнительное значение, близкое понятию стратегического направления, и означающее «потенциальная энергия» развивающейся обстановки, «сила, присущая определенной класси-

⁴² Там же. С. 14–16.

⁴³ Там же. С. 23.

⁴⁴ Там же. С. 6.

⁴⁵ В северном диалекте китайского языка «ши» произносится примерно как «шир». Иероглиф состоит из двух элементов «обуздать» и «сила».

фикации элементов и... тенденции ее развития»⁴⁶. В «Искусстве войны» это слово ассоциируется с постоянно изменяющейся конфигурацией сил, равно как и их главным направлением.

Для Сунь-цзы стратег, совершенствующий «ши», похож на воду, текущую вниз по долине, естественным путем находящую самый быстрый и легкий путь. Успешный полководец выжидает, перед тем как очертя голову ринуться в схватку. Он отклонится от столкновения с мощью противника, он предпочтет заняться наблюдением и обработкой данных об изменениях на стратегическом ландшафте. Он проводит подготовительные мероприятия и изучает моральный дух противника, экономно расходует ресурсы и четко определяет их назначение, играет на слабостях своего противника – до тех пор, пока наконец не почувствует, что настал момент нанести врагу удар в его самое уязвимое место. Затем он спешно и неожиданно для противника размещает свои ресурсы, будучи «на взлете», легко и быстро идет по пути наименьшего сопротивления, утверждая свое превосходство тем, что тщательное планирование и подготовка предоставили возможность говорить о свершившемся факте⁴⁷. «Искусство войны» четко формулирует доктрину, которая меньше говорит о территориальных завоеваниях и больше о психологической доминанте; именно так северные вьетнамцы воевали с Америкой (хотя Ханой обычно использовал также и психологические победы для конкретных территориальных завоеваний).

В целом китайская государственная мудрость демонстрирует тенденцию рассматривать весь стратегический ландшафт как часть единого целого: добро и зло, близкое и далекое, сила и слабость, прошлое и будущее – все взаимосвязано. В противоположность западному подходу рассмотрения истории как процесса достижения современностью серии абсолютных побед над злом и отсталостью традиционный китайский взгляд на историю подчеркивает циклический процесс упадка и возрождения, при котором природа и мир могут быть поняты, но не полностью подлежат управлению. Самое главное, к чему надо стремиться, так это добиться гармонии в данном процессе. Стратегия и искусство управления государством становятся средством «боевого сосуществования» с противником. Цель заключается в том, чтобы различными маневрами сделать его слабым, а самому построить собственное «ши», или стратегическую позицию⁴⁸.

Такой подход с использованием «маневрирования», конечно, является идеальным и не всегда соответствующим действительности. На протяжении своей истории китайцы участвовали в целом ряде далеких от «утонченности» и жестоких конфликтах, как в своей собственной стране, так и изредка за ее пределами. Если такого рода конфликты возникали – подобные конфликты, столкновения, мятежи имели место во время объединения Китая под властью Цинской династии, в период Троецарствия, Тайпинского восстания, гражданской войны XX столетия, – в Китае в массовом порядке гибли люди в масштабах, сопоставимых с потерями в европейских мировых войнах. Кровопролитные конфликты возникали в результате разрушения внутренней системы в Китае – другими словами, как некий аспект внутреннего приспособления к состоянию, при котором внутренняя стабильность и защита против угрожающей опасности иностранного вторжения также становились предметом озабоченности.

С точки зрения классических китайских ученых мужей, мир никогда не может быть завоеван, мудрые правители могут надеяться только на соответствие главной тенденции момента. Их не манил возможностью заселения Новый Свет, никакое искупление грехов не ожидало их

⁴⁶ Kidder Smith, «The Military Texts: The *Sunzi*», in Wm. Theodore de Bary and Irene Bloom, eds., *Sources of Chinese Tradition*, vol. 1, *From Earliest Times to 1600*, 2nd ed. (New York: Columbia University Press, 1999), 215. Китайский автор Линь Юйтан объяснял «ши» как эстетическое и философское понятие того, как ситуация «станет развиваться... подобно ветру, дождю, наводнению или сражению, ослабеет либо наберет новую силу, прекратится либо будет продолжаться неопределенное время, наберет силу или потеряет ее, в каком направлении будет развиваться и с какой скоростью». Lin Yutang, *The Importance of Living* (New York: Harper, 1937), 442.

⁴⁷ Cm. Joseph Needham and Robin D. S. Yates, *Science and Civilisation in China*, vol. 5, part 6: «Military Technology Missiles and Sieges» (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), 33–35, 67–79.

⁴⁸ Cm. Lai and Hamby, «East Meets West», 275.

на дальних берегах. Земля обетованная – это и есть Китай, и китайцы уже в нем проживали. Блага культуры Срединного государства теоретически могли бы получить более широкое распространение на примере превосходства Китая у иностранцев на периферии империи. Но не находилось никакой славы для тех, кто, рискуя жизнью, отправился бы за моря, чтобы обратить дикарей на китайский путь истинный; обычаи божественной династии совсем не распространялись на далеких варваров.

В этом может быть глубокий смысл того, почему китайцы отказались от традиции мореплавания. Выступая с лекциями в 1820-х годах по своей философии истории, немецкий философ Гегель говорил о том, что китайцы рассматривали огромные просторы Тихого океана к востоку от их побережья как никому не нужные. Он отмечал, что Китай по большому счету не вел дел в морях, а предпочитал заниматься своими обширными землями. На земле проживало «бесконечно большое количество зависимых людей», в то время как море вынуждало людей двигаться вперед «за пределы ограниченного круга мысли и действия». Он писал: «Распространение моря далеко за пределами суши отсутствует в системе взглядов азиатских государств, хотя сами они граничат с морями, например Китай. Для них море – только предел, конец суши; они не испытывают позитивных чувств к нему». Запад установил паруса для распространения своей торговли и ценностей по всему миру. В этом плане Гегель утверждал, что сухопутный Китай – на деле когда-то являвшийся величайшей морской державой – был «отрезан от всеобщего исторического развития»⁴⁹.

Имея такие характерные традиции и тысячелетние обычаи в плане восприятия превосходства, Китай вступил в новое время как уникальная империя: государство, претендующее на всемирный характер его культуры и политических институтов, но не делающее каких-либо заметных шагов по распространению своей культуры в мире. Богатейшая страна в мире, не испытывавшая, однако, ни малейшего интереса к ведению внешней торговли и внедрению технологических новшеств. Государство с космополитической культурой, находящееся под надзором политической элиты, равнодушной к западному веку исследований. Оно представляло собой политическое образование, не имеющее аналогов в мире по своим географическим масштабам, но не осведомленное о мировых технологических и исторических течениях, которые вскоре будут угрожать его существованию.

⁴⁹ Georg Wilhelm Friedrich Hegel, *The Philosophy of History*, в переводе. E. S. Haldane and Frances Simon, цитируется по: Spence, *The Search for Modern China*, 135–136.

Глава 2

Вопросы церемониала и опиумные войны

В конце XVIII столетия Китай находился в расцвете имперского величия. Цинская династия, установленная в 1644 году маньчжурскими племенами, совершившими набег на Китай с северо-востока, превратила Китай в крупную военную державу. Удачно сочетая маньчжурскую и монгольскую военную удачу с культурным и управленческим мастерством китайских ханьцев, династия развернула программу территориальной экспансии на север и запад, установив китайскую сферу влияния в Монголии, Тибете и на территории современного Синьцзяна. Китай занял господствующие позиции в Азии. По крайней мере он мог соперничать с любой другой империей в мире⁵⁰.

И все же наивысшая точка в развитии Цинской династии превратилась также и в поворотный пункт в ее судьбе, поскольку богатства и экспансионизм Китая привлекли внимание западных империй и торговых компаний, действующих далеко за пределами границ и концептуального аппарата традиционного китайского миропорядка. Впервые за всю свою историю Китай столкнулся с «варварами», совсем не стремившимися свергнуть китайскую династию и потребовать для себя мандат Неба на правление в стране. Они всего лишь предлагали заменить китаеццентристскую систему мировоззрений совершенно новым взглядом на мировой порядок: ведение свободной торговли, а не уплата дани, размещение посольств в китайской столице и обмен дипломатическими миссиями. К тому же ссылки на неких глав государств как на «уважаемых варваров», присягающих на верность китайскому императору в Пекине, они сочли бы недопустимыми.

Китайской элите было невдомек, что иностранные общества придумали новые промышленные и научные методы, которые – впервые за века или, возможно, вообще впервые в истории человечества – превзошли китайские. Паровая энергия, железные дороги, новые способы производства и создания капиталов сделали возможным колоссальный прорыв в производительности труда на Западе. Западные державы, заряженные импульсом конкуренции, подтолкнувшим их к продвижению на позиции традиционной сферы влияния Китая, расценили как смехотворные китайские претензии на всеобщее господство над Европой и Азией. Настроенные весьма решительно, они стремились навязать Китаю свои собственные стандарты международного поведения, если понадобится, то и с помощью силы. Возникшая в результате конфронтация стала вызовом основной китайской космологии и нанесла раны, болезненно отзывавшиеся и веком позже, во время начатого вновь возвышения Китая.

Начиная с XVII века китайские власти отмечали растущее число европейских торговцев на юго-восточном побережье Китая. Они не заботились о том, чтобы отличить европейцев от других иностранцев, действующих на окраинах империи, за исключением, возможно, бросающегося в глаза отсутствия у них атрибутов китайской культуры. В глазах китайских чиновников эти «варвары, пришедшие с Западных океанов», относились к числу «посланцев с данью» или «варваров-торговцев». В редких случаях некоторым разрешали добираться до Пекина, где они – если допускались к императору – должны были выполнить ритуал коу тоу: трижды коснуться лбом пола, распростершись ниц.

Пункты въезда в Китай и маршруты в столицу для иностранных представителей жестко регламентировались. Доступ на китайский рынок ограничивался строго контролируемой сезонной торговлей в Гуанчжоу (в те времена известном как Кантон). Каждую зиму иностран-

⁵⁰ История экспансии Цинов в пределах «внутренней Азии» под водительством ряда исключительно способных императоров в деталях изложена в Peter Perdue, *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia* (Cambridge: Belknap Press, 2005).

ным купцам следовало отплывать на родину. Им не разрешалось вести бизнес в других местах Китая. Подобная регламентация ставила их в затруднительное положение. Варварам, конечно же, не разрешалось преподавать китайский язык или продавать книги на китайском языке по истории и культуре. Их контакты должны были осуществляться только через местных торговцев, имеющих специальное разрешение⁵¹.

Такие понятия, как свободная торговля, постоянные посольства и суверенное равенство – сложившийся к тому времени минимум прав для европейцев почти во всех других уголках земли, – были новостью в Китае. Единственным неафишируемым исключением являлась Россия. Быстрое продвижение последней на восток (владения царя соприкасались с территориями цинов в Синьцзяне, Монголии и Маньчжурии) выдвинуло ее на уникальные позиции, дающие возможность угрожать Китаю. Цинская династия разрешила Москве в 1715 году открыть миссию Русской православной церкви в Пекине; в конечном счете она де-факто стала играть роль посольства, будучи единственным иностранным представительством в Китае на протяжении почти столетия.

Выданные западноевропейским купцам разрешения на контакты, несмотря на всю их ограниченность, рассматривались цинскими властями как значительная привилегия. Сын Неба, по мнению китайцев, оказал благосклонность, позволив им принять участие в китайской торговле – в частности чаем, шелком, изделиями из лака и ревенем, к которому «заморские варвары» проявили большой аппетит. Европа располагалась слишком далеко от Срединного государства и вряд ли могла быть китаизирована наподобие Кореи или Вьетнама.

С самого начала европейцы выступали в амплу просителей в системе китайских данников, где они проходили как «варвары», а их торговля расценивалась как «дань». Но по мере роста благосостояния западных держав и их уверенности в себе подобное положение вещей становилось все более необоснованным.

⁵¹ См. J. L. Cranmer-Byng, ed., *An Embassy to China: Being the journal kept by Lord Macartney during his embassy to the Emperor Ch'ien-lung, 1793–1794* (London: Longmans, Green, 1962), Introduction, 7–9 (цитируется по: the *Collected Statutes of the Qing dynasty*).

Миссия Маккартни

Принятие китайского миропорядка было особенно неприемлемо для Британии («рыже-волосым варварам», как их называли в некоторых китайских исторических записях). Будучи лидирующей торговой и морской державой Запада, Великобритания выражала возмущение по поводу предназначенного ей места в космологии Срединного государства, чья армия, как отмечали англичане, все еще преимущественно использовала лук и стрелы и чей флот практически прекратил свое существование. Английские торговцы отвергали все увеличивающееся количество случаев «шантажа», применяемого уполномоченными китайскими купцами, через которых в соответствии с китайскими правилами должна была вестись вся западная торговля. Они старались получить доступ в другие части Китая за пределами юго-восточного побережья.

Первой серьезной попыткой Англии исправить ситуацию стала миссия в Китай лорда Джорджа Маккартни в 1793–1794 годах. Но эта значительная, хорошо спланированная и наименее всего «милитаризированная» европейская попытка изменить преобладающий формат китайско-западных отношений и добиться свободной торговли и дипломатического представительства на условиях равенства потерпела полное фиаско.

Изучить в деталях миссию Маккартни чрезвычайно любопытно и полезно. Дневник посланника, живописуя, как на деле проходило восприятие китайцами его роли, свидетельствует о пропасти между западным и китайским пониманием дипломатии. Маккартни, выдающийся общественный деятель и высокообразованный культурный человек, обладал многолетним опытом службы за границей и хорошо понимал все тонкости «восточной» дипломатии. В Санкт-Петербурге при дворе Екатерины Великой он в качестве чрезвычайного посланника провел переговоры о договоре о дружбе и торговле, по возвращении опубликовав хорошо принятую книгу наблюдений по российской истории и культуре. Впоследствии Маккартни занимал пост губернатора Мадраса. Он был великолепно подготовлен, как и многие из его современников, для того, чтобы дать старт новой дипломатии между разными цивилизациями.

Для образованного англичанина того времени поставленные перед миссией цели казались весьма скромными – особенно в сравнении с недавно установленным господством Британии над соседним гигантом Индией. Министр внутренних дел Генри Дандас в инструкциях для Маккартни обозначил попытку добиться «свободного общения с людьми, которые, возможно, только одни такие на земном шаре». Главными целями миссии ставились договоренность о взаимном обмене посольствами в Пекине и Лондоне и доступ торговцев в другие порты на восточном побережье Китая. По последнему пункту Дандас обязал Маккартни обратить внимание на установленную в Гуанчжоу систему правил, при которой чинились «препятствия» и осуществлялся «произвол», не дававшие английским купцам возможности участвовать в «честной конкуренции на рынке» (концепция, не имевшая эквивалента в конфуцианском Китае). Как подчеркивал Дандас, в обязанности Маккартни вменялось отвергать наличие каких-либо территориальных притязаний в Китае – заверение, которое непременно его получатель расценил бы как оскорбление, поскольку оно предполагало, что Британия все-таки могла в глубине души питать такие намерения⁵². Британское правительство обращалось к императорскому двору Китая как к равному, что было поразительно для британских правящих кругов, поскольку общение с незападной страной велось на небывалом уровне, с достоинством и на равных, в то время как Китай относился к Британии оскорбительно высокомерно и с полным пренебрежением. Дандас советовал Маккартни воспользоваться «скорейшей возможностью» внушить китайскому двору, что король Георг III рассматривает миссию Маккартни как «посольство в

⁵² «Lord Macartney's Commission from Henry Dundas» (September 8, 1792), in Pei-kai Cheng, Michael Lestz, and Jonathan pence, eds., *The Search for Modern China: A Documentary Collection* (New York: W. W. Norton, 1999), 93–96.

самое цивилизованное, равно как и самое древнее и населенное государство в мире, с намерением соблюдать его высочайшие постановления, сотрудничать и получать выгоды, которые должны вытекать из откровенных и дружественных взаимоотношений между той страной и своей собственной». Дандас также наставлял Маккартни подчиняться и выполнять «все требуемые Двором церемонии, которые не затрагивали бы честь Вашего Государя либо унижали бы Ваше собственное достоинство, с тем чтобы не ставить под угрозу успех Ваших переговоров». Как подчеркивал Дандас, он не должен «позволить какой-либо мелкой детали этикета помешать достижению выгод, которые могли бы быть получены» в случае успеха его миссии⁵³.

В помощь для достижения своих целей Маккартни взял с собой множество образцов предметов, составлявших гордость английской науки и техники. В его свите находились хирург, терапевт, механик, металлург, часовщик, мастер по изготовлению математических инструментов и группа «Квнтет немецких музыкантов» для ночных выступлений. (Эти последние выступления оказались самой успешной частью миссии.) Его дары императору представляли собой продукцию, разработанную, по крайней мере частично, для демонстрации тех сказочных выгод, которые Китай мог бы получить, развивая торговлю с Англией: артиллерийские орудия, легкую коляску, инкрустированные бриллиантами наручные часы, английский фарфор (копии с китайских художественных образцов, как с одобрением отмечали цинские чиновники), портреты короля и королевы кисти Джошуа Рейнольдса. Маккартни даже привез использующий горячий воздух шар с выпущенным воздухом; предполагалось, что кто-то из его миссии пролетит на шаре над Пекином в порядке демонстрации. Но с таким же успехом англичане могли приехать и с пустыми руками.

Миссия Маккартни не добилась ни одной из поставленных перед ней особых целей; пропасть в восприятии мира оказалась бездонной. Маккартни собирался продемонстрировать успехи индустриализации, однако император воспринял его дары как дань. Британский посланник планировал, что его китайские хозяева признают свою безнадежную отсталость от прогресса технологической цивилизации и постараются установить особые отношения с Англией, рассчитывая эту свою отсталость преодолеть. На деле же китайцы отнеслись к англичанам как к бесцеремонному и не осведомленному ни в чем варварскому племени, ищущему особой милости от Сына Неба. Китай оставался приверженным своим сельскохозяйственным путям развития с его растущим населением, для которого производство продуктов питания становилось все более насущным, а его воспитанная на конфуцианстве бюрократия ничего не знала об основных элементах индустриализации: паровом двигателе, кредитах и капиталах, частной собственности, общем образовании.

Первая нотка разлада проявилась, когда Маккартни и его свита отправились в Жэхэ, летнюю императорскую резиденцию на северо-востоке от Пекина, плывя вдоль побережья на нагруженных щедрыми подарками и деликатесами китайских судах. Однако висевшие на судах и начертанные иероглифами лозунги гласили: «Английский посол везет дань императору Китая». Маккартни принял решение, в соответствии с инструкциями Дандаса, «не жаловаться на это, решив для себя обратить на это внимание, когда возникнет подходящий момент»⁵⁴. Еще когда он стал подъезжать к Пекину, главный мандарин, ответственный за работу с миссией, начал обсуждать тему, в ярком свете представившую существующую между ними пропасть в восприятиях. Вопрос состоял в том, будет ли Маккартни исполнять церемониал коу тоу перед императором или, как он сам настаивал, по английским обычаям станет на одно колено.

Китайская сторона начала дискуссию окольным путем, заметив, как вспоминал в своем дневнике Маккартни, «разные фасоны одежды, преобладавшие в каждой стране». Чиновники закончили свою мысль высказыванием о том, что китайские одежды в конечном счете лучше,

⁵³ Там же. С. 95.

⁵⁴ Macartney's Journal, in *An Embassy to China*, 87–88.

поскольку они позволяют носящему их выполнять с большой легкостью «коленипреклонения и падения ниц, которые, по их словам, традиционно исполнялись всеми лицами, когда император появляется на публике». Не будет ли удобнее для английской делегации освободиться от нескладных наколенных пряжек и подвязок, перед тем как приблизиться к августейшей особе императора? Маккартни возразил, предположив, что императору могло бы понравиться, если бы он отвесил ему «такой же низкий поклон, в каком я склоняюсь перед своим собственным сувереном»⁵⁵.

Обсуждения вопроса о коу тоу продолжались с перерывами в течение нескольких недель. Китайские чиновники предлагали Маккартни на выбор: либо совершить коу тоу, либо вернуться на родину с пустыми руками. Маккартни отказался от того и от другого. В итоге договорились: Маккартни будет соблюдать европейские обычаи и станет на одно колено. Как оказалось, именно по данному конкретному вопросу Маккартни одержал единственную победу, правда, в официальном китайском отчете указывалось, будто Маккартни, восхищенный потрясающей величием императора, все же исполнил церемонию коу тоу⁵⁶.

Демонстрируемое по отношению к Маккартни в рамках мудреного китайского протокола весьма большое внимание преследовало лишь одну цель: заболтать его просьбы или отказать ему. Поглощенный всеохватывающим китайским протоколом и преисполненный заверений в космическом предназначении и неизменяемой цели каждого аспекта, Маккартни оказался едва способным начать свои переговоры. Тем временем он со смешанным чувством уважения и беспокойства отмечал расторопность большого бюрократического аппарата в Китае, заявляя, что «каждое обстоятельство, затрагивающее нас, и каждое слово, нами произнесенное, в ту же минуту отмечалось и запоминалось»⁵⁷.

К ужасу Маккартни, европейские технические чудеса не произвели ни малейшего впечатления на тех, кому он их передал. Когда им показали поставленные на лафет пушки, «наш сопровождающий отнесся с ним с видимым пренебрежением и говорил с нами так, словно такие вещи не в новинку в Китае»⁵⁸. Привезенные линзы, карета и шар для закачивания горячего воздуха отставили в сторону с вежливым снисхождением.

Через полтора месяца посол все еще ждал аудиенции императора, а в промежутках устраивались банкеты. Организовывались развлечения, проводились дискуссии относительно должного протокола для возможной аудиенции императора. В итоге его вызвали в 4 часа утра в «большой шатер» для встречи с императором, которого принесли в паланкине некоторое время спустя с большой помпезностью. Маккартни удивлялся великолепию китайского протокола, в соответствии с которым «каждая процедура церемонии исполнялась при такой тишине и торжественности, что в какой-то мере напоминала исполнение религиозного таинства»⁵⁹. После вручения подарков Маккартни и сопровождающим его лицам император в знак поощрения передал группе англичан «несколько блюд со своего стола», а затем протянул «каждому из нас собственноручно по чашке теплого вина, которое мы тут же выпили в его присутствии»⁶⁰. (Следует помнить, что угощение вином лично императором иностранных посланников входило в программу из пяти искушений при обращении с варварами во времена династии Хань⁶¹.)

На следующий день Маккартни пригласили на прием по случаю дня рождения императора. Император принял Маккартни в своей ложе на театральном представлении. Маккартни решил – вот сейчас состоится разговор о задачах английского посольства. Но император вне-

⁵⁵ Там же. С. 84–85.

⁵⁶ Alain Peyrefitte, *The Immobile Empire* (New York: Alfred A. Knopf, 1992), 508.

⁵⁷ Macartney's Journal, in *An Embassy to China*, 105.

⁵⁸ Там же. С. 90.

⁵⁹ Там же. С. 123.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ См. Глава 1 «Уникальность Китая».

запно вручил ему еще один подарок – шкатулку с драгоценными камнями и, как записал потом Маккартни, «маленькую книжечку с записями и рисунками, сделанными им самим, которую он хотел бы через меня подарить королю, моему господину, в знак дружбы, прибавив, что шкатулка хранилась в его семье 800 лет»⁶².

Теперь, когда император оказал все знаки высочайшего внимания, китайские высокопоставленные лица предположили, что с учетом приближающейся холодной зимы настало время и для отъезда Маккартни. Изумленный Маккартни возразил, что обеим сторонам следует только еще «начать переговоры» по вопросам, указанным в инструкциях для него: он «едва приступил к исполнению обязанностей». Как подчеркивал Маккартни, король Георг желал бы получить для него разрешение обосноваться при китайском дворе в качестве постоянно действующего британского посла.

Рано утром 3 октября 1793 года один из чиновников разбудил Маккартни, попросил его надеть парадные одежды и отправиться в Запретный город, где ему ответят на его прошение. После многочасового ожидания его проводили вверх по лестнице к обитому шелком креслу, где вопреки чаяниям не восседал император, а лежало письмо от императора королю Георгу. Китайские мандарины совершили коу тоу письму, разрешив Маккартни преклонить перед письмом колени. В итоге императорское послание препроводили в занимаемые Маккартни апартаменты с соблюдением всех протокольных церемоний. Как оказалось, Маккартни присутствовал при одном из унижайших способов передачи послания в анналах британской дипломатии.

В начале полученной таким образом грамоты отмечалось «уважительное уничижение» короля Георга, направившего миссию с данью в Китай:

«Ты, о Король, живущий далеко за многими морями, тем не менее возгоревшийся смиренным желанием приобщиться к благам нашей цивилизации, направил миссию, несущую с почтением твое послание».

Затем император отклонил все существенные просьбы, с которыми обращался Маккартни, включая предложение дать разрешение Маккартни учредить свою резиденцию в Пекине в качестве посла:

«Что касается твоих просьб направить одного из твоих соотечественников для аккредитации при моем Небесном Дворе для контроля за торговлей твоей страны с Китаем, то она противоречит обычаям моей династии и не может быть ни в коей мере поддержана... [Твой представитель не может] получить согласие на свободу передвижения и привилегию связи со своей страной, посему ты не сможешь ничего получить от того, что он поселится рядом с нами».

Предложение о том, что Китай мог бы направить своего посла в Лондон, как далее говорилось в грамоте, в глазах императора выглядело еще более нелепым:

«Предположим, Я направлю Посла в твою страну, как же ты сможешь организовать для него все необходимое? В Европе много других государств, кроме твоего собственного: если каждое и все они захотят иметь представительства при нашем Дворе, как же мы можем согласиться на это? Такое никак не возможно».

Возможно, как далее уточнял император, король Георг посылал Маккартни поучиться благам цивилизации из Китая. Но и это тоже никак не приемлемо:

«Если ты испытываешь благоговение перед нашей Божественной династией и хочешь ознакомиться с нашей цивилизацией, то наши церемонии и свод наших законов в корне отличаются от твоих. Даже если твой Посланник был бы способен познать основы нашей цивилизации, ты вряд ли смог бы перенести наши манеры и обычаи на свою почву, чуждую для них».

В том, что касается предложения Маккартни относительно выгод от торговли между Англией и Китаем, Двор Небесного императора уже оказал англичанам большую честь, разре-

⁶² Macartney's Journal, in *An Embassy to China*, 137.

шив им «свободно торговать с Китаем в течение большей части года»; все свыше этого «полностью нерационально». Маккартни, к сожалению, ошибался, думая о выгодах от торговли Англии с Китаем:

«Диковинные и дорогие предметы меня не интересуют. Если Я и отдал распоряжение принять дань, отправленную тобой, то только из уважения к твоему желанию, которое побудило тебя послать их из такой дали... Как твой посол смог убедиться, у нас есть все»⁶³.

При таком положении дел увеличить объем торговли сверх того, что уже имело место, представлялось невозможным. У Англии не было ничего, что Китаю было бы нужно, а Китай уже дал Англии все, что позволяли его божественные правила.

Расценив свое дальнейшее пребывание в Китае как безнадежное, Маккартни решил вернуться в Англию через Гуанчжоу. Уже приготовившись к отъезду, он обнаружил, что, как только император решительно отказался от британских предложений, мандарины стали, пожалуй, более внимательными. Маккартни задумался: а вдруг за этим что-то кроется? Он попытался это выяснить, но китайцы ограничились лишь проявлением дипломатической вежливости. Поскольку варвар-проситель, по-видимому, не понимал всякие тонкости, к нему относились в соответствии с императорским эдиктом на грани применения угроз. Император заверял короля Георга в том, что ему известно о расположении «его острова вдаль от других стран, отрезанного от остального мира широкими морскими просторами». Китайская столица, напротив, была пупом земли и центром, вокруг которого все вертится. «Подданным наших вассалов никогда не разрешалось открывать дела в Пекине». Он закончил свою грамоту в назидательном тоне:

«С учетом всех перечисленных в деталях фактов твоим неперменным долгом является принять с почтением мои чувства и подчиниться этим указаниям отныне и на все времена, дабы ты мог получить благословение о вечном мире»⁶⁴.

Император, явно незнакомый с дикой ненасытностью западных лидеров, играл с огнем, хотя и не понимал этого. Вывод, с каким Маккартни покидал Китай, не предвещал ничего хорошего:

«Парочка английских фрегатов по своей мощи превзошла бы все военно-морские силы этой империи... за полтора летних месяца они бы полностью прекратили всю навигацию вдоль ее берегов и поставили бы население приморских провинций, живущее в основном за счет рыболовства, на грань вымирания от голода»⁶⁵.

Каким бы излишне высокомерным ни выглядело сейчас поведение китайцев, следует помнить – такой стиль применялся веками в процессе становления и поддержания масштабного международного порядка. Во времена Маккартни преимущества от торговли с Западом были далеко не столь очевидны: поскольку валовой внутренний продукт Китая приблизительно в семь раз превышал английский, возможно, императору было бы простительно думать, что именно Лондон нуждался в помощи со стороны Пекина, а совсем не наоборот⁶⁶.

Императорский двор, без сомнения, поздравлял себя с тем, как ловко он обошелся с варварской миссией, каких больше не повторялось в течение 20 с лишним лет. Но причиной тому стала, скорее, не умелая китайская дипломатия, а наполеоновские войны, поглотившие все ресурсы европейских государств. Новая британская миссия появилась у берегов Китая в 1816 году, сразу же вскоре после свержения Наполеона. Ее возглавил лорд Амхерст.

⁶³ Первый указ Цяньлуна королю Георгу III (сентябрь 1793) см. Cheng, Lestz, and Spence, eds., *The Search for Modern China: A Documentary Collection*, 104–106.

⁶⁴ Второй указ Цяньлуна королю Георгу III (сентябрь 1793) см. in Cheng, Lestz, and Spence, eds., *The Search for Modern China: A Documentary Collection*, 109.

⁶⁵ Macartney's Journal, in *An Embassy to China*, 170.

⁶⁶ Angus Maddison, *The World Economy: A Millennial Perspective* (Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development, 2006), Appendix B, 261, Table B -18, «World GDP, 2 Countries and Regional Totals, 0-1998 A.D.».

На сей раз задержки из-за протокола переросли в физическое столкновение между британскими посланцами и придворными чиновниками, собравшимися в комнате перед тронным залом. Когда Амхерст отказался выполнить обряд коу тоу перед императором, которого китайцы называли «Владыкой Вселенной», его миссия тут же и закончилась. Принцу-регенту Великобритании было приказано проявлять «сдержанность», если он хочет «добиться прогресса в переходе к цивилизованным отношениям»; и в довершение указано на то, что больше нет необходимости направлять миссии и «доказывать, что вы действительно наши вассалы»⁶⁷.

В 1834 году английский министр иностранных дел лорд Пальмерстон направил еще одну миссию, решив добиться большого прорыва. Пальмерстон, известный как человек, слабо разбирающийся в тонкостях регламентаций Цинской династии, направил морского офицера – шотландца лорда Напье – с инструкциями, противоречащими одна другой. С одной стороны, требовалось «быть законопослушными и соблюдать обычаи Китая», с другой – одновременно просить установления постоянных дипломатических отношений и размещения британского посольства в Пекине, получения доступа в другие порты на китайском побережье и в то же время установления свободной торговли с Японией⁶⁸.

После прибытия Напье в Гуанчжоу он и местный губернатор попали в тупиковое положение: каждый из них отказывался принимать письма другого, считая унижительным общаться с лицом такого низкого уровня. Напье, к тому моменту получившему от китайских властей прозвище Старательный обманщик, стал повсюду в Гуанчжоу развешивать плакаты воинственного содержания, написанные при содействии местного переводчика. Судьба сама распорядилась в пользу китайцев, избавив их от заносчивого варвара, когда оба – и Напье, и его переводчик – подхватили малярийную лихорадку и покинули сей мир. Однако перед отбытием Напье обратил внимание на Гонконг, малонаселенные скалистые острова, чьи воды, по его мнению, могли бы послужить отличной естественной бухтой.

Китайцы могли вздохнуть с облегчением, в очередной раз принудив мятежных варваров уступить. Но с тех пор англичане больше никогда не приняли отказа. С каждым годом британская настойчивость росла и принимала угрожающий характер. Французский историк Ален Пейрефит так обобщил реакцию в Великобритании на итоги миссии Маккартни: «Если Китай остался закрытым, то двери должны быть вышиблены тараном»⁶⁹. Все дипломатические маневры Китая и его резкие отказы только откладывали неизбежность наступления того момента, когда будет принято во внимание существование современной международной системы, сформированной в соответствии с замыслами европейцев и американцев. Этот учет реалий принесет китайскому обществу самое мучительное социальное, интеллектуальное и моральное напряжение за всю длинную историю огромной страны.

⁶⁷ См. Jonathan Spence, *The Search for Modern China* (New York: W. W. Norton, 1999), 149–150; Peyrefitte, *The Immobile Empire*, 509–511; Dennis Bloodworth and Ching Ping Bloodworth, *The Chinese Machiavelli: 3000 Years of Chinese Statecraft* (New York: Farrar, Straus & Giroux, 1976), 280.

⁶⁸ Peter Ward Fay, *The Opium War, 1840–1842* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1975), 68.

⁶⁹ Peyrefitte, *The Immobile Empire*, xxii.

Столкновение двух миропорядков: Опиумная война

Само собой разумеется, влиятельные западные промышленные державы не собирались долго мириться с таким дипломатическим механизмом, на основании которого их называли платящими «дань» «варварами» или жестко регламентировали сезонную торговлю в единственном порту Китая. Китайцы со своей стороны соглашались лишь на ограниченные уступки аппетитам западных торговцев, стремящихся к «выгоде» (по конфуцианским понятиям, не совсем достойный с точки зрения морали принцип). Но что совершенно не укладывалось у китайцев в голове, так это утверждение западных посланцев о том, что Китай является всего лишь одним государством среди многих подобных и что ему нужно смириться с постоянным присутствием в китайской столице варварских посланников.

Для современного человека ни одно из изначальных предложений западных гонцов не кажется каким-то особенно оскорбительным с точки зрения западных стандартов: цели свободной торговли, постоянные дипломатические контакты и постоянные посольства мало кого обижают сегодня, и к ним относятся как к обычному методу ведения дипломатии. Однако кульминацией конфронтации стал один из позорнейших аспектов западного вторжения: настойчивое требование неограниченного ввоза опиума в Китай.

В середине XIX века опиум был разрешен в Англии и запрещен в Китае, хотя огромное число китайцев потребляли его. Британская Индия являлась центром выращивания большей части мирового производства мака в мире. Английские и американские торговцы совместно с китайскими контрабандистами проворачивали быстрый бизнес. Опиум, по сути, сделался одним из немногих видов иностранных товаров, попадающих на китайский рынок; изделия известных британских марок отвергались как ничего не значащие или уступающие по качеству китайским товарам. Представители цивилизованного Запада расценивали торговлю опиумом как позор. Торговцы, естественно, не очень-то стремились прекращать выгодную торговлю.

При цинском дворе обсуждался вопрос о легализации опиума и организации его торговли, однако в конечном счете было решено покончить с опиекурением, разрушив и ликвидировав всю сеть. В 1839 году Пекин направил Линь Цзэсюя, опытного и хорошо подготовленного чиновника, закрыть торговлю в Гуанчжоу и заставить западных купцов подчиниться официальному запрету. Линь, будучи мандарином традиционно конфуцианского образца, решал проблему так, как любой другой вопрос, касающийся упрямых варваров: путем сочетания силы и увещевания. Прибыв в Гуанчжоу, он потребовал от западных торговых миссий собрать все опиумные ящики и уничтожить содержимое. Когда приказ Линя не был выполнен, он установил блокаду всех иностранцев, включая даже тех, кто не имел ничего общего с опиумной торговлей. На их фабриках объявили: блокада будет снята только после сдачи контрабанды.

Линь Цзэсюй следующим шагом направил письмо королеве Виктории, в котором со всем почтением, насколько позволял традиционный протокол, отдал должное «вежливости и покорности» ее предшественников, посылавших «дань» Китаю. Красной нитью послания проходило требование к королеве Виктории приказать уничтожить опиум на индийских территориях Великобритании:

«В ряде мест Индии, находящихся под твоим контролем, таких как Бенгалия, Мадрас, Бомбей, Патна, Бенарес и Мальва, опиум выращивается на каждом холме, там повсюду налажено его производство... отвратительный запах курится повсюду, раздражая небо и пугая духов. Только ты, о Король, можешь уничтожить опиумные растения в тех местах, заставить

выполоть мотыгой все поля, посадив на их место пять видов полезных зерновых. Кто снова осмелится сажать мак и производить опиум, должен получить суровое наказание»⁷⁰.

Просьба была правильной, даже будучи облаченной во фразы, насыщенные проявлениями традиционного китайского превосходства:

«Предположим, что человек из другой страны прибудет в Англию и начнет торговлю, он ведь должен подчиняться английским законам; насколько же сильнее он должен повиноваться китайским законам Божественной Династии?.. Если купцы-варвары из твоей страны хотят заниматься бизнесом длительный срок, они обязаны с почтением подчиняться нашим законам и покончить навсегда с источником поставок опиума...

Ты, о Король, контролируй своих нечестивцев и подробно инструктируй своих дурных людей перед тем, как им отправиться в Китай, ради обеспечения мира в твоей стране, проявления своей вежливости и покорности и ради того, чтобы дать возможность обеим странам вместе наслаждаться благословенным миром. Нам повезло, действительно, нам повезло! По получении этого послания ты немедленно дай нам ответ по поводу деталей прекращения контрабанды опиума. Непременно доведи это дело до конца, не откладывай его»⁷¹.

Переоценив возможности китайского давления, Линь своим ультиматумом угрожал прервать экспорт китайской продукции, которая, как он полагал, весьма ценилась западными варварами: «Если Китай прекратит предоставление этих выгод, без сочувствия по отношению к тем, кто должен пострадать, на что же варвары будут уповать, чтобы выжить?» Китаю нечего опасаться ответных мер: «Вещи, которые приходят извне в Китай, могут использоваться только в качестве игрушек. Мы можем брать их, а можем и обойтись без них»⁷².

Послание Линя, кажется, даже не попало к Виктории. Тем временем общественное мнение в Британии расценило блокаду британского землячества в Гуанчжоу как возмутительное оскорбление. Члены лобби за «торговлю с Китаем» выступили с петицией в парламенте, требуя объявить войну. Пальмерстон направил письмо в Пекин с требованием «возмещения ущерба и исправления урона, нанесенного китайскими властями проживающим в Китае британским подданным, и за оскорбления, нанесенные этими же властями британской короне». Он также потребовал передать в постоянное пользование «один или два достаточно больших и хорошо расположенных острова на китайском побережье» для размещения складских помещений для британской торговли⁷³.

В своем письме Пальмерстон признал, что опиум считался «контрабандой» в соответствии с китайскими законами, но он унизился до оправданий и просьб узаконить эту торговлю, заявляя, что китайский запрет в соответствии с западными принципами законности оказался недействительным из-за молчаливого согласия коррумпированных чиновников. Такая казуистика вряд ли могла кого-либо убедить, поэтому Пальмерстон не стал тянуть со своим уже принятым решением и сделал решительный шаг: в свете «срочной важности» данного дела и огромного расстояния между Англией и Китаем британское правительство отдало приказ флоту немедленно установить «блокаду главных портов Китая», захватывать «все встречные китайские корабли», а также взять «какой-нибудь удобный порт на китайской территории», до тех пор пока Лондон не получит удовлетворения⁷⁴. Началась Опиумная война.

⁷⁰ «Lin Tse-hsu's Moral Advice to Queen Victoria, 1839», in Ssu-yu Teng and John K. Fairbank, eds., *China's Response to the West: A Documentary Survey, 1839–1923* (Cambridge: Harvard University Press, 1979), 26.

⁷¹ Там же. С. 26–27.

⁷² Там же. С. 25–26.

⁷³ «Lord Palmerston to the Minister of the Emperor of China» (London, February 20, 1840), as reprinted in Hosea Ballou Morse, *The International Relations of the Chinese Empire*, vol. 1, *The Period of Conflict, 1834–1860*, part 2 (London: Longmans, Green, 1910), 621–624.

⁷⁴ Там же. С. 625.

Китайская реакция поначалу была такой, что перспективы британской агрессии расценивались как пустая угроза. Один из чиновников объяснял императору, что большое расстояние между Китаем и Англией делает последнюю слабой: «Английские варвары – незначительная и презируемая раса, полностью полагающаяся на свои мощные корабли и большие пушки, но огромное расстояние, которое им приходится проходить, сделает невозможным своевременное снабжение, а их солдаты после первой же неудачи, без провианта, потеряют моральный дух и потерпят поражение»⁷⁵. Даже после блокады англичанами реки Чжуцзян (Жемчужной) и захвата нескольких островов напротив порта Нинбо как демонстрации силы Линь Цзэсюй с негодованием писал королеве Виктории: «Твои дикари из дальних морей обнаглели до такой степени, что, кажется, открыто проявляют неповиновение и оскорбляют нашего всемогущего императора. Факты говорят, пора тебе «раскритиковать себя и очистить сердце» и тем самым исправить свое поведение. Если ты смиренно подчинишься Небесной династии и проявишь верноподданнические чувства, то это может дать тебе шанс очиститься от твоих прошлых грехов»⁷⁶.

Века господства деформировали чувство реальности Небесного двора. Претензии на господство только подчеркивали неизбежность унижений. Британские корабли быстро превзошли китайские прибрежные оборонительные силы и блокировали основные китайские порты. Пушки, когда-то отвергнутые занимавшимися делами миссии Маккартни мандаринами, били безжалостно.

Китайский высокопоставленный чиновник, Ци Шань, вице-губернатор провинции Чжили (административная единица, в те времена включавшая Пекин и ряд провинций во круг него), пришел к пониманию относительно уязвимости Китая, когда его отправили установить предварительный контакт с британским флотом, плывшим на север в Тяньцзинь. Он признал, что китайцы не могут соревноваться с англичанами в огневой мощи на море: «Без ветра или без благоприятного течения они [паровые суда] скользят по поверхности против течения и способны на фантастическую скорость... Установленные на шарнирах тележки позволяют вращать пушки и нацеливать их в любом направлении». Как заметил Ци Шань, китайские пушки, напротив, сохранились еще со времен Минской династии, а «все, кто командует орудиями, являются офицерами с литературным образованием... у них и понятия нет о вооружениях»⁷⁷.

Придя к неутешительному выводу о том, что город остался беззащитным против британской морской мощи, Ци Шань попытался умиротворить англичан и отвлечь их внимание заверениями в том, что путаница в Гуанчжоу является недоразумением и не отражает «сдержанность и справедливые намерения императора». Китайские официальные лица «выяснят и разберутся с проблемой справедливо, но прежде всего [британскому флоту] необходимо повернуть на юг» и ожидать китайских инспекторов там. Как ни странно, но такой маневр сработал. Британские силы вернулись назад в южные порты, не нанеся вреда открытым северным городам Китая⁷⁸.

После очевидного успеха Ци Шаня послали в Гуанчжоу заменить Линь Цзэсюя и еще раз справиться с варварами. Император, судя по всему, так и не сумевший понять масштабы британского технического превосходства, наставлял Ци Шаня втянуть британских представителей в затяжные переговоры, пока Китай собирает силы. «После продолжительных переговоров, которые утомят и истощат варваров, – писал он своей красной кистью, – мы сможем не ожи-

⁷⁵ Memorial to the Emperor, переведено и цитируется по: Franz Schurmann and Orville Schell, eds., *Imperial China: The Decline of the last Dynasty and the Origins of Modern China, the 18th and 19th Centuries* (New York: Vintage, 1967), 146–147.

⁷⁶ E. Backhouse and J.O.P. Bland, *Annals and Memoirs of the Court of Peking* (Boston: Houghton Mifflin, 1914), 396.

⁷⁷ Tsiang Ting-fu, *Chung-kuo chin taishih [China's Modern History]* (Hong Kong: Li-ta Publishers, 1955), переведено и цитируется по: Schurmann and Schell, eds., *Imperial China*, 139.

⁷⁸ Там же. С. 139–140.

данно напасть на них, а затем и подавить их»⁷⁹. Линь Цзэсюя уволили с позором как спровоцировавшего нападение варваров и отправили в ссылку во внутренние районы на западе Китая, где он размышлял над превосходством западного оружия и занимался разработкой секретных материалов с рекомендациями Китаю производить собственное оружие⁸⁰.

Оказавшись на посту в южной части Китая, Ци Шань, однако, столкнулся с еще более серьезной ситуацией. Англичане потребовали территориальных уступок и контрибуции. Они прибыли на юг победителями и не потерпели бы никаких проволочек. После того как британские войска открыли огонь в нескольких местах на побережье, Ци Шань и его британский партнер по переговорам капитан Чарлз Эллиот подготовили проект соглашения, Чуаньбискую конвенцию⁸¹, в соответствии с которой англичанам предоставлялись особые права на Гонконг, была обещана контрибуция в размере 6 млн долл. США и устанавливалось, что в будущем контакты между китайскими и британскими официальными лицами будут проходить на основе равенства (то есть англичане избавлялись от необходимости соблюдения протокола, рассчитанного на просителей-варваров).

Конвенцию отвергли как китайское, так и британское правительства: каждое из них увидело в ней элементы унижения своего достоинства. Император отозвал Ци Шаня за превышение своих полномочий и слишком большие уступки варварам. Его привезли в цепях, а потом приговорили к смерти (позднее замененной ссылкой). С главой британской делегации на переговорах Чарлзом Эллиотом судьба обошлась помягче, хотя Пальмерстон весьма сурово укорял его за неудачно проведенные переговоры и ничтожные результаты по ним. «На протяжении всего времени ведения Вами переговоров, – жаловался Пальмерстон, – Вы, кажется, полагали, что мои инструкции – всего лишь пустой клочок бумаги». Гонконг – «неплодородный остров, на котором и одного дома даже нет»; Эллиот, настроенный излишне примиренчески, не сумел захватить более ценные территории или поставить китайцам более жесткие условия⁸².

Пальмерстон назначил нового посланника – сэра Генри Поттинджера, проинструктировав его на предмет занятия более жесткой позиции, поскольку «правительство ее величества не может позволить, чтобы во взаимоотношениях между Великобританией и Китаем возобладала нерациональная практика китайцев над разумной практикой остальной части человечества»⁸³. Прибыв в Китай, Поттинджер усилил военное преимущество Великобритании, установил блокаду еще нескольких портов и прекратил сообщение по Большому каналу и нижнему течению реки Янцзы. Перед угрозой нападения англичан на древнюю столицу Нанкин китайцы запросили мира.

⁷⁹ Maurice Collis, *Foreign Mud: Being an Account of the Opium Imbrolio at Canton in the 1830s and the Anglo-Chinese War That Followed* (New York: New Directions, 1946), 297.

⁸⁰ Cm. Teng and Fairbank, eds., *China's Response to the West*, 27–29.

⁸¹ Конвенция названа по имени артиллерийского форта на острове Чуаньби (диалектное название Чуэньпи), в котором велись тогда переговоры между англичанами и китайцами. – *Примеч. пер.*

⁸² Immanuel C.Y. Hsu, *The Rise of Modern China*, 6th ed. (Oxford: Oxford University Press, 2000), 187–188.

⁸³ Spence, *The Search for Modern China*, 158.

Дипломатия Ци Ина: умиротворение варваров

Поттингер получил еще одного главу китайской делегации, третьего по счету, кому Двор, по-прежнему считавший себя высшим во Вселенной, давал такое совершенно неперспективное назначение, – маньчжурского князя Ци Ина. Ци Ин работал с англичанами в манере китайской традиционной стратегии, применяемой в случае поражения. Перепробовав уже и открытое пренебрежение, и дипломатические шаги, китайцы попытались притвориться уступчивыми, надеясь измотать варваров. Ведя переговоры под дулами орудий британского флота, Ци Ин исходил из того, что происходившее случалось ранее с министрами двора. Именно так частенько поступали власти Срединного государства и раньше: прося отсрочки, произнося много речей и одновременно выказывая тщательно отмеренную любезность, они успокаивали и укрощали варваров, выигрывая время и оттягивая тем самым их нападение.

Ци Ин изо всех сил старался установить личные отношения со «старшим над варварами» Поттингером. Он одаривал Поттингера подарками и демонстративно обращался к нему как милому и «близкому» другу (он специально для этой цели произносил это слово звуками соответствующих китайских иероглифов). В знак глубокой дружбы между ними Ци Ин даже обменялся с Поттингером фотоснимками своих супругов и объявил о желании усыновить сына Поттингера (он оставался в Англии, но стал после этого известен как Фредерик Кэин Поттингер)⁸⁴.

В одном замечательном послании Ци Ин объяснился перед Небесным Двором, с недоумением воспринимавшим такой процесс оболыщения. Он описал, как тяжело ему даются попытки умиротворить британских варваров: «Люди такого типа, являющиеся выходцами из мест, далеких от цивилизации, слепы во всем и не разбираются в стиле обращения и видах церемонии... даже когда наши языки оставались сухими, а горло мучила жажда (от того, как много мы их уговаривали следовать по нашему пути), они по-прежнему оставались глухи и действовали как глухие»⁸⁵.

Поэтому приемы, устраивавшиеся Ци Ином, его экстравагантная теплота по отношению к Поттингеру и его семье подчинялись большому стратегическим замыслам, где поведение китайской стороны строго просчитывалось и в определенной мере дозировалось, а такие качества, как доверие и искренность, служили в качестве оружия. И не важно, отвечали они убеждениям или нет. Он продолжал:

«Конечно, мы должны обуздать их своей искренностью, но гораздо более необходимым оказалось управлять ими умелыми методами. Иногда можно было заставить их следовать по нашему направлению, но нельзя было давать им понять наши мотивы. Иногда мы все раскрывали так, чтобы у них не возникало подозрений, после чего мы могли развеять их воинственное беспокойство. Иногда мы устраивали для них приемы и развлечения, после которых они испытывали чувство признательности. А в другое время мы демонстрировали им свое доверие и широту своей души, считая, что нет особой необходимости углубляться в мелкие дискуссии с ними, в результате чего нам удавалось получить их поддержку в конкретном вопросе»⁸⁶.

⁸⁴ John King Fairbank, *Trade and Diplomacy on the China Coast: The Opening of the Treaty Ports, 1842–1854* (Stanford: Stanford University Press, 1969), 109–112.

⁸⁵ «Ch'i-ying's Method for Handling the Barbarians, 1844», as translated in Teng and Fairbank, eds., *China's Response to the West*, 38–39.

⁸⁶ Там же. С. 38. См. также Hsu, *The Rise of Modern China*, 208–209. Копия этой памятной записки была обнаружена через несколько лет после захвата англичанами официальной резиденции в Гуанчжоу. Опозоренный после разоблачения ее содержания на переговорах 1858 года Ци Ин сбежал. За то, что он покинул официальные переговоры без высочайшего разрешения, Ци Ин был приговорен к смертной казни. Из уважения к его высокому положению ему было «позволено» совершить самому

Результатом сочетания двух факторов – западных превосходящих сил и китайских психологических уловок – стали разработанные Ци Ином и Поттинджером два договора: Нанкинский договор и дополнительный Боугский договор^{87*}. Уступалось больше селтльментов, чем по Чуаньбиской конвенции. Договор в результате получился очень унижительным, хотя условия были менее жесткие, чем Великобритания могла бы навязать благодаря сложившейся военной ситуации. Предусматривалась выплата Китаем контрибуции в размере 6 млн долларов США, уступка Гонконга и открытие пяти прибрежных «договорных портов», где Западу разрешалось устраивать поселения и вести торговлю. Договором успешно демонтировалась «Кантонская система», при помощи которой китайский двор регулировал торговлю с Западом и ограничивал ее ведение только группой торговцев, наделенных специальной лицензией. Нинбо, Шанхай, Сямэнь и Фучжоу дополнительно включили в список договорных портов. Англичане обещали себе право устанавливать постоянные представительства в портовых городах и вести прямые переговоры с местными властями, минуя двор в Пекине.

Англичане также приобрели право осуществлять юрисдикцию над своими соотечественниками, проживающими в китайских договорных портах. На практике это означало, что иностранные торговцы опиумом подпадали под действие законов и правил своих собственных стран, а не китайских. Этот принцип «экстерриториальности», в то время входящий в число ряда других, менее противоречивых положений договора, в будущем стали рассматривать как главное нарушение китайского суверенитета. Однако поскольку о европейской концепции суверенитета в Китае и не слышали, экстерриториальность стала символом того времени, свидетельствующим не столько о нарушении норм законодательства, сколько о падении императорской власти. Такое «урезание» Небесного Мандата привело к серии внутренних волнений.

Английский переводчик XIX века Томас Медоус отмечал, что большинство китайцев сначала не оценили последствий Опиумной войны на длительную перспективу. Они называли уступки воплощением в жизнь традиционного метода поглощения и изматывания варваров. «Огромное тело страны, – полагали они, – может воспринимать прошедшую войну как мятежное нашествие одного из варварских племен, которое, сидя в безопасности на своих мощных кораблях, напало и захватило некоторые места на побережье, им даже удалось захватить в свои руки важный пункт на Большом канале, чем они принудили императора пойти на определенные уступки»⁸⁸.

Но западные державы и не думали так легко успокоиться. За каждой китайской уступкой выдвигалось дополнительное западное требование. Договора, изначально задумывавшиеся для получения временных концессий, превратились в итоге в процесс, в результате которого цинский двор терял контроль над большей частью торговой и внешней политики Китая. Вслед за британским договором президент США Джон Тайлер в спешном порядке направил миссию в Китай, планируя получить такие же точно уступки и для американцев, положив тем самым начало политики, ставшей впоследствии известной как «политика открытых дверей». Французы провели переговоры и заключили свой договор на аналогичных условиях. Каждая из этих стран, в свою очередь, включала пункт о «наиболее благоприятствуемой нации», из чего следовало, что любая уступка, оказанная Китаем другой стране, должна также предоставляться и подписавшей данный договор стороне. (Китайская дипломатия позже использовала данное положение с целью ограничения требований, поощряя конкуренцию между различными претендентами на особые привилегии.)

процедуру удушения шелковым шнурком.

⁸⁷ По названию узкого пролива в дельте реки Жемчужной под названием Хумэнь, или Ворота тигра, при ее впадении в Южно-Китайское море, вблизи города Гуанчжоу (В российской историографии дополнительный договор к Нанкинскому договору 1842 года называют Хумэньским договором 1843 года – западные наименования: Боуг, или Бокка тигр). Одним из берегов этого пролива является упомянутый ранее остров Чуаньби. – *Примеч. пер.*

⁸⁸ Meadows, *Desultory Notes on the Government and People of China*, in Schurmann and Schell, eds., *Imperial China*, 148–149.

Эти договора справедливо непопулярны в китайской истории как первые в серии «неравноправных договоров», заключенных под давлением иностранной военной мощи. При заключении договоров в то время больше всего копий ломалось вокруг положения о равенстве сторон. Китай долго настаивал на своей позиции превосходства, укоренившейся в его национальном самосознании и отражавшейся в системе выплаты дани. Теперь же он столкнулся с иностранной державой, настроенной решительно на то, чтобы ее название было исключено из списка «стран-данников» Китая, и применявшей угрозу силой, чтобы доказать свое равенство с Небесной Династией.

Руководители обеих сторон понимали, что этот спор выходит далеко за рамки спора о протоколе или опиуме. Цинский двор желал бы утолить аппетиты алчных иностранцев деньгами и торговлей, но если бы устанавливался принцип политического равенства варваров с Сыном Неба, то это было чревато прямой угрозой всему китайскому миропорядку; династия рисковала потерей Мандата Неба. Пальмерстон в частых едких письмах к участникам переговоров с британской стороны относился к определению суммы контрибуции как к вопросу, имеющему сугубо символический характер. Но он не упускал возможности отругать их за уступки китайским партнерам, язык которых демонстрировал «утверждение превосходства Китая» или характеризовал победившую в войне Великобританию как подчиненного просителя божественной милости императора⁸⁹. В конечном счете взгляды Пальмерстона победили, и в Нанкинский договор включили статью, в которой ясно говорилось о том, что китайские и британские официальные лица отныне будут «сотрудничать... на основе полного равенства». Более того, китайский текст включал употребляемые в письменном языке специальные китайские иероглифы с приемлемыми нейтральными значениями. Китайские протоколы (во всяком случае, те, к которым иностранцы имели доступ) отныне не описывали англичан как обращающихся к китайским властям «просителей» или «подчиняющихся с трепетом» их «приказам»⁹⁰.

Небесный двор пришел к пониманию военной слабости Китая, однако не видел подходящих способов решения вопроса. Во-первых, был применен традиционный способ ведения дел с варварами. Поражения не были в диковинку на протяжении долгой истории Китая. Китайским правителям приходилось с ними сталкиваться, и тогда применялся метод «пяти искушений», описанный в предыдущей главе. Они полагали общим для всех агрессоров желание приобщиться к китайской культуре; они хотели бы поселиться на китайской земле и стать частью китайской цивилизации. Поэтому постепенно их можно, дескать, укротить какими-то психологическими способами, по типу предложенных принцем Ци Ином, и со временем они, мол, станут частью китайской жизни.

Однако европейские агрессоры отнюдь не горели таким желанием и не ограничивались такими узкими целями. Оценивая себя как более продвинутые общества, они ставили своей целью эксплуатацию Китая для получения экономических выгод, а не для того, чтобы перенять образ жизни китайцев. Их требования сдерживались только их возможностями и степенью жажды наживы. В данном случае личные отношения не имели значения, поскольку главари агрессоров не соседствовали с Китаем, а жили за тысячи миль вдали от него, где правили мотивации, далекие от тонких материй и от стратегии обходных путей, подобно той, которую применял Ци Ин.

На протяжении десяти лет Срединное государство потеряло свое превосходство и стало предметом соперничества колониальных сил. Китай, оказавшись между двумя эрами и двумя различными концепциями международных отношений, стремился обрести свою новую сущ-

⁸⁹ См. Morse, *The International Relations of the Chinese Empire*, vol. 1, part 2, 632–636.

⁹⁰ См. Там же. Part 1, 309–310; Qianlong's Second Edict to King George III, in Cheng, Lestz, and Spence, *The Search for Modern China: A Documentary Collection*, 109.

ность и более всего хотел примирить обозначавшие его величие ценности с техникой и торговлей, на основе которых ему отныне придется строить свою безопасность.

Глава 3

От превосходства к закату

По мере продвижения вперед XIX века Китай пережил массу разнообразных ударов, которые изменили его исторический облик. До Опиумной войны он представлял дипломатию и торговлю в основном как формы признания превосходства Китая. В обсуждаемое нами время Китай переживал период очередной внутренней смуты, когда страна столкнулась с тремя вызовами извне; даже одного из них уже было бы достаточно, чтобы свалить династию. Эти угрозы пришли с разных направлений и в формах, прежде неизвестных истории Китая.

На Западе, за далекими морями-океанами, выросли европейские державы. Они бросали вызов, связанный не столько с защитой территорий, сколько с противоречивой концепцией мирового порядка. Западные державы, как правило, ограничивались получением экономических уступок на китайском побережье и требованиями прав на ведение свободной торговли и миссионерской деятельности. Парадоксально, но именно в этом содержалась угроза, хотя европейцы вовсе не рассматривали свои требования как захватнические. Они не стремились изменить правящую династию, они просто навязывали совершенно новый миропорядок, во всем не соответствовавший существующему в Китае восприятию мира.

С севера и запада экспансионистская и доминирующая в военном отношении Россия пыталась внедриться во внутренние районы Китая. Сотрудничество с Россией можно было бы на время купить, но она не признавала никаких границ между ее собственными владениями и внешними владениями Китая. И в отличие от предшествовавших завоевателей Россия не становилась частью китайской культуры: империя временно лишалась территорий, на которые та проникала.

И все же ни западные державы, ни Россия не помышляли свергнуть цинов и заявить права на Мандат Неба. В конечном счете они пришли к выводу, что они больше потеряют от падения цинов. У Японии, напротив, не было никаких прямых интересов в сохранении древних институтов Китая или китаеццентристского миропорядка. Наступая с востока, она стремилась не только к оккупации значительной китайской территории, но и к замене Китая в качестве центра нового мирового порядка в Восточной Азии.

В современном Китае с чувством уныния вспоминают о последовавшей серии катастроф как части печально знаменитого «столетия унижений», окончившегося только с объединением страны под националистической формой коммунизма. В то же самое время эра китайского падения по многим параметрам представляется испытанием его замечательных способностей превозмочь все невзгоды, способные погубить другие общества.

Пока иностранные армии маршировали по территории Китая и выдвигали унижительные условия, Небесный двор не переставал претендовать на центральную власть и был в состоянии распространять ее на большей части китайской территории. К захватчикам относились так же, как в предыдущие века, как некоей помехе, нежелательному перерыву в вечном ритме китайской жизни. Двор в Пекине мог действовать подобным образом, ведь иностранные грабежи происходили преимущественно на периферии Китая и оккупанты приходили, чтобы торговать; а поскольку дело обстояло именно так, то в интересах захватчиков было сохранять спокойствие на самых обширных и самых густонаселенных центральных территориях. Правительство в Пекине, таким образом, получало поле для маневра. По всем возникающим проблемам требовались переговоры с императорским двором, в силу чего тот получал возможность натравливать одних оккупантов против других.

При таком слабом раскладе китайские государственные деятели умудрялись играть свою роль весьма умело, не допуская еще более худшей катастрофы. С точки зрения равновесия

в мире объективная расстановка сил не предполагала сохранения Китая как унитарного государства размером с материк. Опираясь на традиционное представление о своем превосходстве, Китай, несмотря на довольно часто бросаемые ему вызовы и на переполнявшие страну волны колониальных грабежей и внутренних волнений, в конечном счете собственными силами преодолел все свои проблемы роста. Пройдя через болезненный и часто унижительный процесс, китайские государственные деятели в итоге сохранили моральные и территориальные установления своего распадающегося на части миропорядка.

Что особенно примечательно – они поступали так, используя лишь свои традиционные методы. Некоторые представители правящего класса Цинской династии написали весьма веле-речивые мемуары в классическом стиле, рассказав о вызовах, брошенных Западом, Россией и поднимающейся Японией, и о необходимости для Китая в итоге заняться «самоусилением» и улучшением собственных технических возможностей. Но китайская элита конфуцианского толка и основная масса консервативно настроенного населения страны сохраняли двойственное отношение к таким советам. Многие воспринимали книги на иностранных языках и западную технику как несущие угрозу культурной самобытности Китая и общественному порядку в стране. После доходивших до драк стычек победившая фракция решила: модернизация по западному пути будет означать отказ от своего уникального наследия, а это ничто не сможет оправдать. Поэтому Китай вступил в эру имперской экспансии без тех преимуществ, которые давала современная военная система общенационального уровня, и только частично приспособившись к иностранным финансовым и политическим нововведениям.

Стремясь выдержать натиск, Китай стал опираться не на технику или военную силу, а на два традиционных для него ресурса: аналитические способности собственных дипломатов, а также на выносливость и веру народа в свою культуру. Была выработана искусная стратегия натравливания новых варваров друг против друга. Лица, ответственные за внешние сношения Китая, предлагали концессии в различных городах, но они специально приглашали многочисленный круг иностранцев принять участие в дележе добычи, таким образом «используя варваров против варваров» и избегая доминирования какой-то одной державы. Они выдвигали условие и настаивали на необходимости строго придерживаться духа и буквы «неравноправных договоров» с Западом и иностранных принципов международного права, но не потому, что китайские чиновники считали их действительными с правовой точки зрения, а потому, что такое поведение давало возможность урезать амбиции иностранцев. Перед лицом двух потенциально превосходящих по силе претендентов на господство в Северо-Восточном Китае, практически не обладая военными силами для того, чтобы дать им отпор, китайские дипломаты настроили Россию и Японию друг против друга, взаимно нейтрализовав масштабы и длительность вторжений и той и другой страны.

В свете контраста между военной слабостью Китая и его экспансионистским видением своей роли в мире значительным достижением стала тыловая оборона с целью сохранения китайского правительства. Это достижение не отмечалось каким-то празднованием побед. Это была незавершенная, длившаяся долгое время, пережившая и порой убивавшая своих сторонников попытка, в реализации которой было множество отступлений и имелось много внутренних противников. Эта борьба стоила очень и очень дорого китайскому народу, чье терпение и выносливость служили, не в первый и не в последний раз, в качестве последней линии обороны. Но она позволила сохранить Китай в идеале как занимающую целый континент реальность, как страну, ответственную за свою собственную судьбу. Выработанные во время изнурительной борьбы огромная самодисциплина и уверенность в своих силах дали возможность Китаю вновь возродиться в более позднюю эпоху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.